ДУМКИ И ПѢСНИ

ТА

ШЧЕ ДЕ-ШЧО

АМВРОСІЯ МОГИЛЫ.

ХАРЬКОВЪ.

ВЪ

УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва, Декабря 9 дня, 1838 года.

Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ:

ЗАМѢТКИ ОТНОСИТЕЛЬНО ЮЖНОРУССКАГО ЯЗЫКА.

Стран:

Вступленіе. — 1. Мелодія или эвфонія языка. — 2. Кто говоритъ имъ? — 3. Его правописанія. — 4. Образцы этихъ правописаній. — 5. Сходство языка со Словеноцерковнымъ. — 6. Его благозвучность или эвриѳмія. — 7. Нѣкоторыя изъ достоинствъ языка. — 8. Его древность. — 9. Когда, гдѣ и кто употреблялъ его? — Заключеніе. . . . 3.

II. ДУМКИ И ПѢСНИ.

Стран:

1. Бандура . . . . . 39.
2. До васъ . . . . . 41.
3. Зрадникъ . . . . . 44.
4. Степъ . . . . . 46.
5. Кладовище . . . . . 48.
6. Списъ . . . . . 50.
7. Чарка . . . . . 52.
8. Козакъ, Гайдамакъ, Чумакъ . . . . . 54.
9. Козакъ та буря . . . . . 56.
10. Пйдземна церква . . . . . 59.
11. До гостей. . . . . 62.
12. Пйшли на втйкачй . . . . . 64.
13. Покотиполе . . . . . 66.
14. Бабусенька . . . . . 69.
15. Самотнй спѣвцй . . . . . 71.
16. Дитина-сиротина . . . . . 75.
17. Думка Червонорусця . . . . . 79.
18. Гетьманъ . . . . . 81.
19. Старець . . . . . 84.
20. Козачая смерть . . . . . 87.
21. Гулянка . . . . . 90.
22. Шинокъ . . . . . 94.
23. Нйчъ . . . . . 98.
24. Пожаръ Москвы . . . . . 101.

Стран:

25. Вьязонько . . . . . 105.
26. Добрыдень . . . . . 107.
27. Глекъ . . . . . 108.
28. Смерть Бандуриста . . . . . 116.

III. ЛУНА ИЗЪ СЛОВЕНІИ.

Изъ Чехіи: 1. Ночна розмова. — 2. Милого зъ милою. — 3. Смерть Царя. — 4. Сонетъ . . 123.
Изъ Старочехіи: 1. Бенесъ Германовъ. — 2. Олень. 3. Сиротинка. — 4. Роза . . . . . 131.
Изъ Словаціи: Пѣсні Словацькі. 1 — 9 . . . 139.
Изъ Сербіи: Пѣсні Сербські. 1 — 4 . . . . . 151.
Изъ Польщі: 1. Морякъ въ Венеціи. — 2. Дорога. — 3. Чорнобривка. — 4. Походъ . . 156.

IV. ЛУНА ШЧЕ ИЗЪ НѢМЕЦІИ.

1. Пріязні душі (изъ Маттиссона) . . . . . 165.
2. Добра-ніч (изъ Кернера) . . . . . 166.
3. Було (изъ А. Грюна) . . . . . 167.
4. Хлопчикъ-Пастушокъ (изъ Уланда) . . . . . 170.
5. Навѣщеньня зъ могилы (изъ Эленшлегера) . 171.
6. Пѣсня садовничого (изъ Уланда) . . . . . 175.

V. Приложенія отъ издателя.

1. Объясненіе Южнорусскаго произношенія . . . . . 179.
2. Восемь Чешскихъ, Старочешскихъ, Словацкихъ, Сербскихъ и Польскихъ стихотвореній, переведенныхъ А. Могилою . . . . . 182.
3. Объясненіе непонятныхъ для Великороссіянъ словъ . . . . . 191.

ЗАМѢТКИ

ОТНОСИТЕЛЬНО

ЮЖНОРУССКАГО ЯЗЫКА.

Могила Я.
Думы и песни на том же
де-чего Харьков Унив Тип
1839

ЗАМѢТКИ

ОТНОСИТЕЛЬНО ЮЖНОРУССКАГО ЯЗЫКА.

Южнорусскій языкъ, которымъ говорили наши первые лѣтописцы, какъ-бы въ ковчегѣ отъ потопа временъ уберегшіе завѣтъ прародителей Русскаго Царства къ потомству, Южнорусскій языкъ, на которомъ отцы наши воспѣли въ думахъ своихъ жизнь и славу Южной Руси, этой священной колыбели могучаго Царства, — языкъ, на которомъ, вѣроятно, звучали рѣчи Князей Кіевскихъ, прародителей нашихъ Царей православныхъ, котораго слова и выраженія и донынѣ звучатъ въ Святомъ Писаніи... Южнорусскій, говорю, языкъ со дня на день забывается и молкнетъ — и — придетъ время — забудется и смолкнетъ. . .

И слова его только, можетъ быть, въ заунывныхъ пѣсняхъ долетятъ къ потомству... и слова его найдетъ потомство въ темныхъ для себя мѣстахъ лѣтописи, подивится этимъ роднымъ незнакомцамъ, назоветъ ихъ недосмотромъ переписчика — и-исправитъ. . .

Но можетъ быть и то, что въ эпоху пренебреженія Южнорусскаго языка, любовь къ нему проснется. Кто же соберетъ, какъ добрый сынъ прахъ отцевъ своихъ, изчезающіе останки Южнорусскаго Слова? Они разсѣяны отъ Вислы до Кубани.

Уже свѣтлое вниманіе Правительства и просвѣщенныхъ мужей звѣздою благовѣстія засіяло надъ міромъ Словеніи — и — ни одна черта народности не изгладится, ни одно зданіе языка не разрушится, ни одна православная мысль не умретъ безплодно въ этомъ мірѣ. Въ журналѣ, столь дѣятельномъ въ подвигѣ

утвержденія основательнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, уже положены начатки разработкѣ Южнорусскаго языка, и, вѣроятно, эти начатки — начало, а неконецъ нашихъ отечественныхъ изслѣдованій по этому предмету (См. Журн. Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1838).

ЗАМѢТКА I.

Нѣжный запахъ цвѣтовъ, игривую живость красокъ, сладостный голосъ соловья, кто ихъ опишетъ? Кто это опишетъ, изобразитъ, выразитъ, тому развѣ можно испытать свое дарованіе на описаніи мелодіи одного изъ человѣческихъ языковъ, потому что въ ней столько же непередаваемаго, неуловимаго, невыразимаго, какъ и въ благовоніи цвѣтка для не обонявшихъ его, какъ и въ живой игрѣ красокъ для не видѣвшихъ ея, какъ и въ соловьиномъ пѣніи для не слыхавшихъ его. . . .

Не имѣю намѣренія знакомить съ доброгласностію Южнорусскаго языка людей его не слыхавшихъ и съ его мелодіей незнакомыхъ; — высказываю только замѣчаніе, которое, вѣроятно, удалось сдѣлать всякому, кто приглядѣлся къ произношенію Сѣверо и Южно-Руссовъ. У Сѣверорусса, при выговорѣ словъ, замѣтно напряженіе губныхъ мышцъ и сжатіе рта, отъ-чего звуки, такъ сказать, процѣживаются и запечатлѣваются особенною силою и рѣзкостію, имѣющею, впрочемъ, при чистомъ произношеніи, свою пріятность; у Южнорусса, напротивъ, звуки вольно и небрежно несутся и льются съ волною воздуха изъ отверзтаго рта, и отъ того-то особенная мягкость и нѣжность, и напѣвъ, свойственный его произношенію. Вотъ почему Великоруссъ любитъ гласную *ѣ*, произноситъ согласную *в* какъ несродное Словеноцерковному языку *ф*, гласной *ы* придаетъ звукъ

дебелый и т. п. Южноруссъ, напротивъ, не терпитъ ни гласной *ѣ*, какъ произносятъ ее въ Великоруссіи, ни согласной *ф*; гласныя *ы* и *и* прозноситъ мягко и открыто, согласную *в* почти какъ *у* и т. п. Не замѣтно ли при всемъ этомъ климатическаго вліянія студёнаго Сѣвера и теплаго Юга?

Отъ чего же ложное въ Великоруссіи понятіе о грубости Украинскаго или Галиційскаго выговора? Или отъ того, что объ этомъ выговорѣ судили по буквамъ, не зная, что Южноруссъ, Украинецъ или Галичанинъ, никогда не произноситъ этихъ буквъ такъ, какъ произносятся онѣ въ Великоруссіи; или отъ того еще, что слова выговариваемыя не такъ, какъ мы привыкли слышать ихъ съ дѣтства, кажутся намъ чѣмъ-то неправильнымъ, уродливымъ и смѣшнымъ.

Хотя сравненія не доказательны, скажемъ, однакожъ, для поясненія нашего по-

нятія о доброгласности Южнорусскаго языка, что, если Польскій языкъ, по своему щебетанью и бренчанью, по этому бржмѣню, подходитъ въ устахъ прекрасной Польки къ арфѣ, гитарѣ, гуслямъ, и Сѣверорусскій рѣзкостію своихъ тоновъ походитъ то на скрипку, то на кларнетъ; то языкъ Южнорусса своей мягкостію и нѣгою похожъ то на віолончель, то на флейту, и общею мелодіей приближается къ Словеноцерковному, который звучитъ величественнымъ органомъ.

ЗАМѢТКА II.

Но что такое Южнорусскій языкъ — кто говоритъ на немъ?

Названіе языка Южнорусскаго, Юго-западнаго Русскаго (т. е. Малорусскаго и Червонорусскаго, или Украинскаго и Галиційскаго), во многомъ отличнаго отъ Русскаго, Сѣверовосточнаго Русскаго (т. е. Великорусскаго), по

справедливости принадлежитъ тому языку, которымъ говорятъ: въ Южной Россіи Губерніи — Кіевская, Черниговская, Полтавская, Екатеринославская, часть Воронежской и Херсонской, Земля Войска Черноморскаго, Губерніи — Подольская и Волынская, часть Литовскихъ Губерній — Виленской и Гродненской, и почти вся Галиція; словомъ: названіе Южнорусскаго языка должно быть присвоено тому языку, которымъ говоритъ болѣе 10,000,000 Словенъ, живущихъ на Югѣ Россіи и къ Югу отъ Россіи, и на которомъ пѣсни поются даже въ самой Польшѣ. См. Schaffarik's Geschichte der Slawischen Sprachen и Grammatik der Ruthenischen oder Klein-Russischen Sprache in Galizien von I. Lewizki (Vorrede).

Оттѣнки нарѣчія Червонорусскаго не важны, и почти всѣ состоятъ: въ употребленіи мѣстоименій — *мя, тя, ся, ми, ти, си*, вм. *мене, тебе, себе, мень, тобѣ*,

собѣ; въ отдѣлясмости приглагольнаго мѣстоименія *ся* — *ся взять*, вм. *взяться*, *ся забарить*, вм. *забариться* и т. п.; въ опущеніи *ть*, въ 3 лицѣ единственнаго числа настоящаго времени, въ глаголахъ на *ся*— *вкрываеся* вм. *вкрываеться*, *двигаеся* вм. *двигаеться* и т. п. Всѣ эти свойства придаютъ языку Червоноруссовъ много нѣжности, и могли бы быть съ пользою введены въ языкъ Малоруссовъ.— Сверхъ того, Галичане, или Червоноруссы, говорятъ *няй* и *нехъ* вм. *нехай* и *хай*: гласныя *а* и *я* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Галиціи произносятся почти какъ *э*; въ глаголахъ, кромѣ обыкновенныхъ Южнорусскихъ прошедшихъ простыхъ временъ (*знавъ*, *знала*, *знало*, *знали*) употребляется еще (но не въ пѣсняхъ), по примѣру языковъ Польскаго и Словеноцерковнаго, сложные — *зналъ емь*, *зналамъ*, *зналомъ*, *зналъ есь*, *зналась*, *зналось*, *зналъ*, *знала*, *знало*, *знамисмы*, *знамисте*, *знали*.

ЗАМѢТКА III.

О правописаніи Южнорусскаго языка замѣтимъ, что оно еще не установилось: одни придерживаются правописанія Великорусскаго языка или Словеноцерковныхъ книгъ; другіе стараются выражать произношеніе словъ Южнорусскаго языка буквами, слѣдуя выговору ихъ въ Великоруссіи. Мнѣ кажется, что самымъ удобнымъ былъ бы средній путь, при которомъ правописаніе намекало бы на корень словъ, но и не затрудняло бы ни пишущаго, ни читающаго многочисленностію своихъ правилъ и исключеній.

Иначе: или, слишкомъ привязываясь къ корнямъ словъ, можно затемнить ихъ произношеніе, и правописаніе сдѣлать неопредѣлительнымъ и сбивчивымъ для простыхъ людей, которые пожелали бы ему слѣдовать; — или, забывая вовсе о корняхъ словъ, и уничтожая приобрѣтшій

извѣстность историческою давностію образъ ихъ, можно эти слова для самого Южнорусса сдѣлать родными незнакомцами, и привести въ заблужденіе тѣхъ, которые, зная Великорусскій выговоръ буквъ, вздумали бы читать по Южнорусски, и при этомъ судить о мелодіи языка.

Ученые и литтераторы, оказавшіе Южноруссамъ услуги теоретическою или практическою разработкою ихъ языка, какъ осуществители различныхъ правописаній, по мѣрѣ отступленія отъ правописанія Словеноцерковныхъ книгъ, представляются въ такой послѣдовательности:

Левицкій (въ Grammatik der Ruthenischen Sprache), — Максимовичъ (въ *Украинскихъ народныхъ пѣсняхъ*), — Котляревскій (въ *Перелицованный Энеидѣ* и въ *Наталцѣ-Полтавцѣ*, гдѣ издатель Срезневскій отмѣтилъ *ѝ* (ji) острое отъ *и* (у) простаго, — Срезневскій (въ *Запорож-*

ской старинѣ), — Бодянскій (въ *Пасьлкыхъ казкахъ*), — Артемовскій - Гулакъ, Основъяненко и Гребёнка (въ разныхъ сочиненіяхъ), — Павловскій (въ *Грамматикѣ Малороссійскаго нарѣчія*). Вацлавъ зъ Олеска выражалъ Южнорусскія слова буквами Польскаго алфавита (см. Piesni ludu Galicyjskiego); Южноруссы, не наблюдающіе никакого правописанія, ставятъ вездѣ *ѣ*, гдѣ только произносится острое *й* (ji), и, большею частію, *и*, гдѣ произносится простое *и* (у).

ЗАМѢТКА IV.

Вотъ нѣсколько словъ, написанныхъ по системамъ различныхъ правописаній, придуманныхъ для Южнорусскаго языка, а именно: 1. по правописанію — Максимовича, 2. Котляревскаго (какъ оно улучшено въ изданіи его *Наталки-Полтавки*), 3. Издаваемыхъ *Думокъ и Пѣсней*, 4.

Срезневскаго, 5. Артемовскаго и другихъ (Великорусскаго выговора буквъ).

1. Кончили сѣянье. Вôлъ зêлья вже не ѣсть: вôнъ по колѣни въ сѣнѣ. Бери вôвцю въ сѣни, та й стáрайся объ нêй, якъ объ сынѣ. На товстôмъ вязѣ и на липѣ, що въ лѣсѣ, мовъ срêбныи, снѣги бѣлѣются. —

2. Кончили сѣянье. *Вйлъ зйлья* вже не ѣсть: *вйнъ* по колѣни въ сѣнѣ. Бери *вйвцю* въ сѣни, та й старайся объ *нйй*, якъ объ сынѣ. На *товстймъ* вязѣ и на липѣ, що въ лѣсѣ, мовъ *срйбнйи*, снѣги *бѣлѣються*. —

3. Кончили *сѣяньня*. *Вйлъ зйлля* вже не ѣсть: *вйнъ* по колѣни въ сѣнѣ. Бери *вйвцю* въ сѣни, та й старайся объ *нѣй*, якъ объ сынѣ. На *товстѣмъ вѣязѣ* и на липѣ, *шчо* въ лѣсѣ, мовъ *срйбнйи*, снѣги *бѣлѣються*. —

4. Кончили *сіянье*. *Вйлъ зйлья* вже не *йсть*: *вйнъ* по *колйни* въ *сйни*. Бери

вйвцю въ сйни та й старайся объ *нїй* якъ объ *сынй*. На *товстймъ вязї* и на *липї*, що въ *лїсї*, мовъ *срїбныи*, *снїги бїлїються*. —

5. Кончылы сіяньня. Вилъ зильля вже не исть: винъ по колины въ сини. Беры вивцю въ сины та й старайся объ нїй якъ объ сыни. На товстимъ въязи и на лыпи, що въ лиси, мовъ срибніи, снигы биліюцьця. —

ЗАМѢТКА V.

Къ слову о правописаніяхъ! Не удивительно ли, что правописаніе въ древнѣйшихъ спискахъ Словеноцерковныхъ Лѣтописей и другихъ книгъ во многихъ случаяхъ такъ, смѣю сказать, приспособляется къ свойствамъ Южнорусскаго языка, что иногда приходитъ на мысль: ужъ не для этого ли именно языка оно и придумано?

а. Между тѣмъ какъ у Великоруссовъ буквы *е* и *ѣ* произносятся всегда одина-

ково, и слѣдственно одна изъ нихъ зашла въ Великорусскій алфавитъ безъ призыва существенной надобностію, случайно, — въ языкѣ Южнорусса, напротивъ, буквы *е* и *ѣ* произносятся всегда различно, а именно: первая произносится за простое *э*, исключая свойственнаго языку Словенина изощренія въ началѣ слова и послѣ гласной, гдѣ она переходитъ въ острое *е* (je); вторая всегда произносится за острое *и̂* (ji), гдѣ только писалась и пишется въ Словеноцерковныхъ книгахъ и въ Лѣтописяхъ. Такъ напр: пишется — *спѣте*, *дѣлѣте*, *гнѣзды* и т. п; произносится по Южнорусски — sjijte, djiljite, hnjizdy, по Великорусски — sjejtje, djeljitje, hnjozdy.

Ь. Въ старинныхъ рукописяхъ и въ старопечатныхъ книгахъ находимъ: *ясная*, *чистая* и т. п. Хотя требованіе изощрять гласную, слѣдующую за гласною, не позволитъ ни одному изъ Словенъ произнести второе *а* безъ изощренія; но Южно-

руссу легче всего обойтись безъ указанія изощренія второй гласной, потому что онъ всегда изощритъ даже начальную гласную всякаго слова, передъ которымъ другое слово оканчивается на гласную; такъ напр. *Дѣвчина уродлива у рѣчки стояла лице умывала*, произносится (особенно въ пѣсняхъ): *дѣвчина юродлива ю рѣчки стояла, лице юмывала.*

с. Южноруссъ, для избѣжанія непріятнаго стеченія гласныхъ, ставитъ въ началѣ словъ, начинающихся гласными *у* и *о*, согласную *в*, и говоритъ: *вусъ* вм. *усъ*, *воко* вм. *око* и т. п. Въ Словеноцерковныхъ книгахъ и въ Лѣтописяхъ пишется въ такихъ случаяхъ *оу* и *ѡ*; въ Несторѣ, по списку монаха Лаврентія, часто *о* употребляется вмѣсто *в*, и пишется *жиоуть*, *Вольга* и *ѡльга* и т. п.: не произносилось ли въ древности *оу* и *ѡ* за *ву* и *во*?

ЗАМѢТКА VI.

Какихъ изумительно - остроумныхъ правилъ не осуществилъ Южноруссъ въ языкѣ своемъ, чтобъ довести его до благозвучнѣйшаго теченія!

Такъ, пріятное для Словенскаго уха изощреніе гласной послѣ гласной распространено въ немъ, какъ сейчасъ показано, на самыя начальныя гласныя буквы всякаго слова. Такъ, для соблюденія потребной для плавнаго произношенія словъ соразмѣрности между количествомъ гласныхъ и согласныхъ, въ немъ: то, въ началѣ словъ на *у* и *о*, ставится согласная *в* (*ухо* и *вухо*, *оскома* и *воскома*), то, въ началѣ или въ концѣ, уничтожается гласная *о* (*динъ однимъ* вм. *одинъ однимъ*, *горо̀дъ* вм. *огоро̀дъ*, *ги̂рки* вм. *оги̂рки*, *робимъ* вм. *робимо*, *зробѣмъ* вм. *зробѣмо*), то гласная *у* превращается въ согласную *в* и обратно (*ути̂къ* и *вти̂къ*, *у лузѣ* и *въ*

лузъ, *у восени* и *въ осени*, *Украина* и *Вкраина*, *учора* и *вчора*), то гласная *у* вовсе уничтожается (*въ тимъ* и *въ тому*, *въ густимъ* и *въ густому*), то гласная *и* переходитъ въ *ь* или *й* (*иду* и *йду*, *и* и *й*, *пити* и *пить*).

Окончанія прилагательнымъ также подчинены законамъ благозвучности: по требованію слуха, говорится — *зелена* или *зеленая*, *зелену* или *зеленую*, *зелене* или *зеленее*, *зелени* или *зеленіи*.

Въ глаголахъ особенно замѣчательно, по изобилію окончаній, 3-е лице единств. числа настоящаго времени: *свѣти* и *свѣтить*, — *каже* и *кажеть*, — *спѣва*, *спѣвае* и *спѣваеть*.

ЗАМѢТКА VII.

Но въ одной ли музыкальности, въ одномъ ли доброгласномъ и благозвучномъ теченіи слова и все достоинство Южнорусскаго языка? Если языкъ не въ си-

лахъ выражать человѣческихъ мыслей, чувствъ и страстей, то не важны для насъ ни его сладостная мелодія, ни его благозвучное теченіе.

И такъ, замѣтимъ: при выраженіи какой бы то ни было страсти, какого бы то ни было чувства, Южноруссъ не встрѣтитъ недостатка въ родномъ языкѣ своемъ! Гнѣвъ ли закипитъ въ немъ, тоска ли налетитъ на него, размягчится ли сердце его нѣжностію, или онъ придетъ въ шутливо-веселое расположеніе духа — не встрѣтитъ онъ недостатка въ родномъ языкѣ своемъ... все выразится на этомъ языкѣ, взлелѣянномъ не на безжизненной почвѣ Грамматики, но въ полѣ брани и въ разгарѣ мщенія, на вольныхъ пирахъ козачества и въ разгульномъ быту гайдамаки, — языкѣ, взлелѣянномъ въ тоскливыхъ рѣчахъ къ родинѣ бездомнаго скитальца на чужинѣ, въ пѣсняхъ любви, разогрѣтыхъ пламенными

поцѣлунками любовниковъ, и въ пѣсняхъ разлуки, разогрѣтыхъ горючими слезами очей дѣвичьихъ, въ нѣжныхъ и заботливыхъ рѣчахъ матерей къ сынамъ, съ которыми ежедневно готовились онѣ разстаться, на долго, на долго, если не на вѣки. О! угнетенія и мучительства Ляховъ и Татаръ обогатили Южнорусскій языкъ множествомъ проклятій такъ сильныхъ, что морозъ проходитъ по костямъ, когда слушаешь ихъ. . . . О! и доселѣ Южнорусскѣ мнится, при разлукѣ съ милымъ сыномъ, что онъ понесется отъ нея на смертное поле, съ котораго не многіе возвращаются,—и горесть ея при этой разлукѣ тяжко-томительна, и душа порывается улетѣть изъ тѣла во слѣдъ за милымъ сыномъ, и слезы не льются изъ очей, но, жгучія, пекутъ въ сердцѣ... И доселѣ разлука на Южной-Руси также тяжка, и любовь также пламенна на Южной Руси.

Изъ свойствъ Южнорусскаго языка

достойно особеннаго вниманія его богатство на уменьшительныя формы: *мати, матйнка, матенька, матйночка, матунечка, матуся, митусенька, матусесенька, — рйдна, рйдненька, рйднесенька; рйднесесенька, — Ганна, Галя, Ганночка, Галечка, Галенька, Ганнуся, Ганнусенька, Ганнусечка, — пъсти, пъстки, пъсточки, пъстоньки* и т. п. Относительно уменьшеній собственныхъ именъ должно замѣтить, что иногда каждый изъ членовъ многочисленнаго семейства старается по-своему уменьшительнымъ образомъ выразить имя маленькаго любимца, какъ-бы полагая этимъ на него печать своей особенной нѣжности . . . Но кто бы подумалъ, что самыя неокончательныя наклоненія глаголовъ можно изнѣжить уменьшительными формами? Мать маленькаго Южнорусса не скажетъ про свое дитя, что оно хочетъ спать или спати, пить или пити; но скажетъ: *воно хоче спат-*

ки, спаточки, спатуни, спатунечки, спатоньки, спатусй, спатусеньки, — воно хоче питки, питочки, питуни, питунечки, питоньки, питусй, питусеньки и т. п. Этимъ свойствомъ Южнорусскіе неокончательныя наклоненія приближаются къ существительнымъ именамъ, въ которыя переходятъ они также въ языкахъ: Германо - Индійскихъ (см. Ворр. Ueber die Conjugationssystem etc).

Трудно найти языкъ, которому уступилъ бы Южнорусскій въ живости расказа, и это достигается множествомъ звукоподражательныхъ словъ, особенно глагольныхъ междуметій (*гепъ, гупъ, лясь, лятъ, дзизъ, дзень, трйсь, блись, скйкъ* и т. п.), не говоря уже объ оживляющихъ расказъ пословицахъ и ловкихъ оборотахъ рѣчи, которыми этотъ языкъ такъ изобиленъ. Еще замѣтимъ, что въ языкѣ Южнорусса есть будущія простыя, которыхъ нѣтъ въ языкѣ Великорусса, и

которые, вѣроятно, произошли отъ слія-нія неокончательныхъ наклоненій съ лицами глагола *маю: жатиму, жатимешъ, жатиме, жатимемо, жатимете, жатимуть.*

Еще слѣдовало бы поговорить объ изобиліи въ разбираемомъ нами языкѣ сослововъ для выраженія различныхъ оттѣнковъ чувства и понятія; но для полнаго развитія этого предмета потребно цѣлое обширное сочиненіе, котораго онъ и достоинъ. Вотъ, какіе съ перваго разу можно припомнить, сословы глагола *идти* и *ходить: брести, бродить, чвалать, чимчикувать, швандять, дыбать, ковпти, кòпать* и проч., сословы глагола *говорить: казать, балакать, базйкать, базувать, слебезувать, варнякать, патякать, калякать, балагурить, раздабарювать, дрйботйть, цокотйть, торохтѣть, мимрить* и проч.

Прочтите пѣсни Южнорусса, если хо-

тите знать, что языкъ его способенъ къ выраженію нѣжнѣйшихъ душевныхъ движеній въ самыхъ нѣжныхъ оттѣнкахъ ихъ; прочтите думы Южнорусса, если хотите знать, что языкъ его можетъ живописать и величественныя явленія естества, и народныя волненія и свары, — можетъ намекать на неисповѣдимость Божіихъ путей въ событіяхъ, можетъ выражать и раздирающій намъ сердце хохотъ отчаянія.

ЗАМѢТКА VIII.

Южнорусскій языкъ, сильный и нѣжный, доброгласный и благозвучный, давно ли произошелъ? Вѣрно по молодости своей онъ не заслужилъ еще отъ людей уваженія....

Если правописаніе Словеноцерковныхъ книгъ подходитъ къ этому языку; то значитъ, что языкъ, близко похожій на него, существовалъ во время Святыхъ

Отцевъ Кирилла и Меѳодія, изобрѣтателей или установителей для Словенскихъ языковъ азбуки, и не былъ ими оставленъ безъ вниманія . . . справедливость этого предположенія обнаружена выше.

Если въ языкѣ Южнорусса сходятся свойства разныхъ и отдаленныхъ языковъ разныхъ и отдаленныхъ Словенскихъ племенъ; то значитъ, что этотъ языкъ не есть юный отпрыскъ одного изъ Словенскихъ языковъ, но что онъ возросъ отъ общаго съ ними древняго корня, и, черпая изъ этаго корня одинъ съ ними жизненный сокъ, возросъ самобытно, взлелѣянный народною жизнію, народными обстоятельствами. . . . На это предположеніе вотъ нѣсколько доказательствъ:

а). Прибавка въ началѣ словъ на гласную *о* согласной *в* (*воса* вм. *оса*) встрѣчается въ языкахъ Полабовъ и Вендовъ, коихъ народность почти совсѣмъ стерли

наконецъ Нѣмцы изъ круга человѣчества, и въ простонародномъ Чешскомъ (*вотецъ* вм. *отецъ*).

b.) Прибавка въ началѣ словъ на гласную *у* согласной *в* (*вухо* вм. *ухо*) сохранилась въ языкахъ Виндовъ и Кроатовъ.

c.) Выговоръ гласной *ѣ* за острое *ѝ* (jĭ) встрѣчается въ одномъ изъ Сербскихъ племенъ; выговоръ гласной *и* не за острое *ѝ* (jĭ), а за простое *ы* (*у*), можно найти во многихъ словахъ языка Сербскаго.

Если, какъ принялъ Шаффарикъ, Словенскіе языки разнились уже и во время Кирилла и Меѳодія, переводчиковъ Священнаго Писанія на языкъ, называемый Словеноцерковнымъ; то можно принять, что Южнорусскій языкъ не былъ вовсе чуждымъ для этихъ переводчиковъ: иначе, какъ объяснить множество словъ и грамматическихъ формъ Южнорусскаго языка, находимыхъ въ языкѣ Словеноцерковномъ? Обратимъ вниманіе на граммати-

ческія формы, общія тому и другому языку: a). Падежи существительныхъ именъ — сынови, сыне, Петре, воле, водо; b). Двойственное число существительныхъ именъ очима, плечима; c). Винительный падежъ множественнаго числа сходный съ именительнымъ и въ предметахъ одушевленныхъ — волы, коровы; d). измѣненіе согласныхъ — *г*, *к*, *х* — о языцѣ, о друзѣ, о грѣсѣ; e). Падежи прилагательныхъ именъ — святѣй, о святѣмъ, о святѣй; f). Мѣстоимѣнія — мене, тебе, себе, мя, тя, ся, ми, ти, си; g). Неокончательныя наклоненія — пити, ѣсти и проч.; h). Употребленіе вспомогательнаго глагола *быть* во второмъ лицѣ единств. числа настоящаго времени — зробивъ еси, дурень еси и проч.

Замѣчательно окончаніе прошедшаго времени въ разныхъ Словенскихъ языкахъ. Возьмемъ, напр., глаголъ — *писать*: то будетъ: въ Словеноцерковномъ — *писа*, въ

Сербскомъ — *писао*, въ Словацкомъ — *писау*, въ Южнорусскомъ — почти *писавъ*, въ Великорусскомъ, Чешскомъ, Польскомъ — *писалъ*. Какая постепенность удаленія отъ Словеноцерковнаго окончанія, удаленія отъ мягкаго звука Юговосточныхъ языковъ! Кромѣ принятаго дѣленія Словенскихъ языковъ на Восточные и Западные, не придется ли еще раздѣлить ихъ на Сѣверные и Южные? Сѣверъ и Югъ положили, кажется, замѣтную печать на жизнь, характеры и языки народовъ.

ЗАМѢТКА IX.

Все ли Южнорусскій языкъ былъ въ презрѣніи — притчею во языцѣхъ? Все ли говорили на немъ только тѣ, которые иначе говорились не научились, — писали только тѣ, которые иначе писать не умѣли? Нѣтъ!

Нѣтъ! Въ завѣтахъ нашихъ отцевъ, въ ковчегѣ нашей славы, въ историче-

скихъ свидѣтельствахъ нашей законнорожденности, словомъ, въ нашихъ Лѣтописяхъ сильно и часто пробивается настоящій Южнорусскій языкъ какъ бы изъ подъ коры языка мертваго, священнаго, Словеноцерковнаго. . . . Да и какъ не быть этому? Разсадникъ нашей православной Вѣры и нашего народнаго образованія— Южнорусскій Кіевъ — былъ и мѣстомъ жительства нашихъ первыхъ лѣтописцевъ, и, какъ языкъ жизни, языкъ Южнорусскій невольно врывался въ ихъ дѣеписанія, хотя они и предпочитали ему языкъ, котораго величественные звуки возносили ихъ къ Богу во время Богослуженія.

Замѣтимъ, что древнѣйшій списокъ Нестора, списокъ Лаврентьевскій, наиболѣе могъ бы намъ доставить Южнорусскихъ словъ и выраженій; но возьмемъ даже Псковскую Лѣтопись (см. Изданіе Погодина. Москва. 1837.), которая есть сокращеніе

Новгородской, какъ и эта сокращеніе Кіевской, и отмѣтимъ (по указанію самого Г. Погодина) кое-что непонятное въ ней безъ знанія Южнорусскаго языка. Изъ словъ:

Спровадить, изволить волю (волити волю), гадать, истомный (изтомить), искрадомъ (крадькома), нарова (наровы), кутній, Украина (въ смыслѣ пограничной страны, какъ напр., Dänemark), наймитъ, въ опасѣ (съ предосторожностію), пакость, исполохъ и проч. Еще замѣтимъ, что и въ этой Лѣтописи употребляется з вм. с, в вм. у, у вм. в; что въ ней послѣ г, к, т, м, р ставится ы, какъ и донынѣ въ Южной Руси выговаривается (многыхъ, гыбель, самыхъ, тыхъ, товарыщи, Кыевъ), и послѣ *ц* ставится *и*, какъ то: гонци, дѣвици, нѣмци и проч.

Въ Червоной Руси, равнымъ образомъ какъ и въ Малой Руси, тотъ же языкъ Южнорусскій употреблялся лѣтописцами, и одна изъ Лѣтописей недавно най-

денная въ Галиціи (см. Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія. 1838.), и объемлющая событія 1498—1649, почти исключительно писана на этомъ языкѣ. Вотъ нѣсколько строчекъ для примѣра: (1619) Канцлира Жолковскаго въ Волосѣхъ забыто и Корецкого взято, бо безъ Козакивъ войну точивъ; мовывъ такъ: не хочу я зъ Грыцями воіовати; нехай идуть до роли альбо свини пасти. — (1620) Королевичъ Владыславъ бувъ во Львови колы до Волохъ ихалъ, бо чекавъ на Сагайдачного Гетьмана Козацкого: бо колы бувъ у Воршави у Короля, и Король ёму мовывъ: ото я на твою опеку посылаю сына моіого. Того жъ року гроши вгору пишлы, що разъ выше. — (1630) Гетманъ Конецпольскій ходывъ за Днипръ Козакивъ зносыты, людей много зтратывъ, и самъ ледвы ся вынисъ, але предця гарматы имъ зоставивъ, и познавъ, що Козаки. —

Но не только въ Южной Руси, въ Червоно-Руссіи и Мало-Руссіи, господствовалъ Южнорусскій, языкъ и былъ принадлежностію какъ самаго простаго, такъ и самаго высшаго по образованію класса людей; Южнорусскій языкъ господствовалъ еще и въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому Королевству имъ говорили и при Дворѣ Великихъ Князей Литовскихъ, и въ знатнѣйшихъ домахъ; на немъ производились дипломатическія сношенія, на немъ писались важнѣйшіе государственные акты (Доказательства на это можно отчасти найти въ Литовской Метрикѣ, которая хранится въ Варшавскомъ коронномъ архивѣ, и изъ которой нѣкоторые акты помѣщены въ Сборникѣ Муханова). Да и не удивительно, если сообразимъ, что народонаселеніе Литвы все Русское, кромѣ $\frac{1}{10}$ доли собственно Литовскаго народонаселенія.

Есть основанія думать, что и самый Польскій языкъ лучшія свойства и богатство свое занялъ отъ языка Южнорусскаго; потому что, въ то время когда Польскіе писатели мыслили и писали по Латини, Южнорусскій языкъ былъ уже весьма образованнымъ. . . .

Оканчиваю мои замѣтки. Цѣлью моей было невысказывать всего достоинства, всей важности, всѣхъ свойствъ Южнорусскаго языка: это можно сдѣлать только въ полной его грамматикѣ и въ его словарѣ или идіотиконѣ, для которыхъ желалъ бы и я приложить своихъ трудовъ лепту, если бы Богъ помогъ и люди мнѣ въ этомъ не возбранили; я имѣлъ цѣлію — остановить вниманіе ученаго и неученаго Южнорусса на нѣкоторыхъ особенностяхъ его Слова, по которымъ это Слово достойно бо̀льшаго и лучшаго вниманія и уваженія, нежели ка-

кихъ оно удостоилося. Кто скажетъ, какимъ свѣтомъ находка иного изъ языковъ, затерянныхъ въ могилѣ забвенія, какимъ свѣтомъ эта находка озарила бы невѣрный путь блуждающаго филолога-философа? Кто взвѣситъ, сколько свѣтлыхъ и прекрасныхъ идей, въ будущихъ изслѣдованіяхъ человѣческаго слова, должны померкнуть и изчезнуть по причинѣ забвенія иного изъ языковъ, тлѣющихъ нынѣ въ могилѣ презрительнаго невниманія? Если можемъ сохранить память хотя одного изъ народцевъ земли — и — не сохранимъ, и аще погибнетъ единый отъ малыхъ сихъ, грѣхъ намъ отъ Бога великій.

Мене же, господа отци и братія, оже ся гдѣ описахъ, недописахъ, переписахъ, чтите, исправляя Бога дѣля, а не кляните; книги бо ветшаны, разумъ же молодъ — не домысли.

Издатель А. Метлинскій.

ДУМКИ И ПѢСНИ.

Ой, въ степу могила зъ вѣтромъ говорила:
Повѣй, вѣтре, ты на мене, шчобъ я не чорнѣла;
Шчобъ я не чорнѣла, шчобъ я не марнѣла,
Шчобъ на менѣ трава росла, таншче-й зеленѣла.

БАНДУРА.

ІЕРЕМІИ ГАЛЦѢ.

Кому якъ не тобѣ, рідокоханку,
Отсю выспѣвовавъ бы я спѣванку?

Та чи вы вже, братця, не чували
Про старого козака-спѣваку?
Вспомьянѣмъ-лишъ ёго ёму жъ въ дяку!
Бо вже яки й чули, позабували . . .

«Про гетьмана, чи про гайдамаку
Дѣдъ заспѣвае, въ бандуру заграе, —
Плаче бандура, мовъ оживае:
Жаль вйзьме дитину, вйзьме и бурлаку!

Ёго бандура, зхоче вйнъ, завые,
Ёго бандура й ворономъ закряче,
Мовъ та дитина, жалёбно плаче . . .

Слезы польються, серденько ные . . . »
Де-жъ ты дѣвався, та старый спѣваче?
Ой, заспѣвай намъ про житьтя козаче!

ДО ВАСЪ.

Будьте-здоровы, дядьки та братця!
А дайте-лишень за бандуру узяться,
Та на бандурѣ розиграться,
Въ старинѣ-бувалщинѣ покохаться!

Ой, нелѣзь, дядьку, въ высокіи хаты,
Бо тамъ изъ тебе будуть глумовати!
Ой, не лѣзь, дядьку, въ паньскиї хоромы:
Тамъ не чувати дѣдивськои мовы!

Возьми, дядьку, гострый списъ,
Сядь на коня, та-й у лѣсъ!
Тамъ на волѣ, на просторѣ
Скакатимемо доволи̂;
Доли̂ въ полѣ спатимемо,
Собѣ доли̂ шукатимемо!

За бѣлі̂и руки панянокъ намъ не водити
Отъ по тому гладенькому нѝбы скло помостѣ...
Намъ, братця, намъ, братця, вже намъ не ходити
Та до пани̂въ, до пани̂въ-тыхъ великихъ у гости;
Намъ, братця, намъ, братця, нѝдъ конемъ трощити
Ворогѝвъ нашихъ невѣрныхъ проклятіи кости...

Або въ морѣ
На просторѣ

Цареви̂ служити,
Славоньки собѣ шукати;
Ворога губити,
Та шчобъ нашихъ було знати!

Гей, братця, гей, братця, то наша дорога,
А не мѣсце тепле въ панського порога!

ЗРАДНИКЪ.

Хто тебе, родино, рідный зневажае,
Хай той на чужинѣ сердця не мае,
Та шчобъ до кого въ горе притулитися,
Та шчобъ було зъ кимъ горемъ подѣлитися!

Хто свою вѣру, хто край свій покине,
Хай той безъ роду на чужинѣ згине,
Згасне ёго око, душа почорнѣе,
Замре ёго голосъ, сердце зотлѣе!

Вінъ одъ Бога долі не знатиме;
Тільки одъ Бога кары вінъ ждатиме!
Де вінъ стане, де вінъ гляне —
Й чорный воронъ літать стане!

Хтось ворону ёго вкаже,
Заздалегідь уже скаже:
Отто ваша
Буде паша!

Якъ ёго злі кары каратимуть,
Батьки й малымъ дѣтямъ казатимуть,
Зъ хрестомъ вони казатимуть зтиха:
Оттакъ, дѣти, не дай Боже лиха!
Оттакъ, дѣти,
Не робѣте!

Зрадникъ одъ людей ласки не знатиме;
Самъ вінъ одъ себе въ пущі тікатиме . . .
Ёго рідне слово въ пѣснѣ не грѣтиме,
Ёму пѣсня въ сердцѣ углемъ горѣтиме . . .

СТЕПЪ.

Ѣдемо зъ батькомъ степомъ серед - нòчи,
То якъ мій коникъ заграе, заскаче,
Заразъ чогось мому батькові̂ въ очі̂
Слёзы навернуться, мовъ вінъ заплаче...
«Чи не спытавъ
Чого плаче
Вінъ, козаче?»

Охъ, чи знаешъ, каже, хлопче,
Якій степъ твій коникъ топче?

«Шчо жъ вйнъ каже,
Коли зна вже?»

Хто тутъ бився, въ степу мчався,
Хто втйкавъ, кого лякався?
«Одже - й чули,
Та забули . . .»

Чувъ, чіи отсе могилы,
Чувъ, чого тутъ вовки выли? . .
«Бачъ, вйдъ чого
Вйнъ, небого —»

Колись, мій сынку, мы тіи могилы
Трупомъ та трупомъ начиняли;
Колись, мій сынку, мы въ тіи могилы
Злыхъ ворогйвъ, було, спати клали . . .
«Бачъ, одъ чого
Край могилы
Вовки выли! »

КЛАДОВИЩЕ.

Дивлються зъ неба ясненько срібні зірки;
Мають-бѣлѣють надъ могилками хустки.
Въ тыхъ могилкахъ по-підъ чорными хрестами
Труны та труны все зъ козаками-зъ-молодцями.
Якъ-то въ Великдень засвѣтять вперше свѣчки,
Якъ въ усѣ дзвоны вдарять, — встають козаки:
Въ того шаблюка при боцѣ, той зъ батіжкомъ;
А про-межъ ними вже де-хто е й безъ чуприны . . . .
Якъ ото выйдуть вони на свѣтъ зъ домовины,
Гомінъ якъ въ бурю и грімъ луною кругомъ:

Чи батьками оттѣ Нѣмцй загнущались,
Шчо чуприны вражй дѣти одцурались?
Трохи й красчи були, й ею потѣшались!
Колись ею зъ Украины нечисть мы змйтали,
Тйльки шчо изъ головою їи вйддавали.

СПИСЪ.

У батька є гострый списъ,
А довгій списъ, довгій, та не сяє!
Бо якъ на стѣнѣ повисъ,
Шчось довго вже . . . въ дѣлѣ не буває!
А мати якъ вйзьме списъ
(Вона павутину имъ змитає):
«Лихій ёго намъ принісъ,»
Батько каже, й сумно поглядає . . .

А сотникъ разъ зиркъ на списъ —
Якъ крикне, мовъ въ сердце списъ встромився!

Вхопивъ, на коня, та въ лѣсъ,
И всю ниченьку въ пущахъ носився . . .
Винъ вранцѣ вернувъ намъ списъ:
Ману напустивъ (каже) бѣсъ;
И самъ я не знаю, якъ сказився!
А батько мій и проговорився:
«Давно вже костей винъ не ламае!»
Э! бачъ (я на думцѣ), чомъ не сяе . . .

ЧАРКА.

Е въ насъ, братця, чарка на полицѣ;
Та вона, та чарка, срѝбна-старосвѣтська!
Встарину жили батьки въ свѣтлицѣ,
Й частували сю вони цѣле вѝйсько, —
И по повнѣй козаченьки выпивали,
Й нашихъ батькѝвъ Гетьманами наставляли...
Далѣ дужче й дужче вони гомонѣли,
Поки вони на вороныхъ та не сѣли . . .
Далѣ на орду лѝтали,
Орду тую побивали!
Срѝбна чарка по столовѝ впьять ходила,
Громадонька веселенька гомонѣла! . .

Вже зъ якого часу нема того війська;
Позосталась тільки чарка старосвѣтська!
Вже зъ якого часу немае й свѣтлицї;
А шче блещить срібна чарка на полицѣ!
Вже зъ якого часу всюды тихо-глухо,
А зосталась проклятущая сивуха!

Одинъ козакъ позостався: сердце ные, заныває,
Мовъ на сердце сырый туманъ тяжко-важко налягае!

Якъ про військо винъ згадае,
Винъ по повнѣй наливае,
Й за все військо выпивае . . .
И куняе, й выпивае,
Й выпивае, и куняе:
Оттакъ вѣку доживае!

КОЗАКЪ, ГАЙДАМАКЪ, ЧУМАКЪ.

На воронѣмъ коню ѣхавъ козакъ
Горою, долиною,
Промежъ калиною;
Вйнъ розмовлявъ зъ милою дѣвчиною.

На своихъ двохъ лѣсомъ йшовъ гайдамакъ;
Промежъ лѣсчиною
Йшовъ вйнъ зъ дубиною,
Зъ лѣсомъ гукавъ — зъ своею родиною!

Чвалавъ за возомъ чумакъ-неборакъ
Низомъ, травиною,
Зъ своею скотиною,
Та-й балакавъ зъ лихою годиною! . . .

Дѣвчино, прощай!
Гей, не гайся! на ворогивъ, коню!
— Охъ, прощай, козаче! та обороняй
Мати-Украину, й мене ïи доню!

Дубино, махай!
Шукай, добувай менѣ долю!
Кого хочъ, моя дубино, зачинай:
Въ лѣсѣ—въ пущахъ маемо мы свою волю!

Сынку, поганяй!
Зъ никчемного краю та до моря . . .
Почвалаемо мы на чужий - лишъ край:
Може въ морѣ втонемъ — тамъ не стильки
горя.

КОЗАКЪ ТА БУРЯ.

Якъ-то въ бурю по небовй галасъ повстане,
Въ чорныхъ хмарахъ такъ грякне
шчо-страхъ!
И за хвилею вынырне хвиля та-й гряне,
Й озоветься въ лѣсахъ, на горахъ:

Чи не той то козакъ, шчо де стане —
И земля тамъ потане?
Чи не той то козакъ, шчо де гляне —
И трава тамъ зовьяне?

Чи по степовй зъ вѣтромъ гарцюе не той то козакъ,
Одъ якого тйкае Татаринъ и Ляхъ?
Чи не вйнъ то гука, перескокуе гору й байракъ,
И на вражй полки сыпле кару и жахъ?

Якъ - же - то вранцѣ
Въ червонѣй хмарцѣ
Сонце выплывае;
Чи не зъ чужины
То до дѣвчины
Козакъ приѣзжае? —

Не одсувайте кватирки въ вйкнѣ,
Не обступайте широкихъ ворйтъ
И старй, и дѣвки, й молодицй!
Бо вже не грае козакъ на конѣ,
Бо вже не стогне земля одъ копытъ:
Вже умеръ чорнобривый, умеръ бѣлолицый!

Якъ вйнъ вертався зъ краю чужого въ свій дймъ,

Та якъ вінъ ѣхавъ въ долинѣ, —
Буря повстала, загуркотѣло, и грімъ
Впавъ, повалився въ долинѣ!

Якъ розігнало-жъ тѣ хмары, и геть понесло, —
Глянуло сонечко, знову усе процвѣло!

Шчо-жъ то въ долинѣ? Чи дубъ рясный лігъ?..
Ні! козаченько найкрасчій полігъ!..

ПИ̂ДЗЕМНА ЦЕРКВА.

Выпытувавъ я де-кого зъ старыхъ,
Котрй шче Ляха й Унію видали,
Якъ дѣялося, шчо колись було . . .
А шчо, міряне, слухати бъ бажали?

Казавъ менѣ одинъ чернець ось - такъ:
«У Кіевѣ всёму, всёму зачало:
Та и старый, старый же вйнъ козакъ!
Того шче-й небуло, те пйдростало, —
Давно, давно вже Кіевъ панувавъ:

Ёго церкви ажъ хмары зачіпали,
И шапку хочъ бы хто ёму здіймавъ, —
Такъ далѣ славы вже ёму не стало!
Та на Днѣпрѣ-жъ таки була и Сѣчъ . . .
Такъ зпоминать не дуже-бъ-то пристало;
Та не къ сёму таки наша и рѣчъ,
А рѣчъ про те, якъ церківця запала.

Поки жили козакъ, списы й шаблюки,
Не добувавъ нічого даромъ Ляхъ!
Вже зтерпѣвъ и козакъ чимало муки,
Вмиравъ на паляхъ вінъ, и въ кайданахъ . . .
Такъ и въ чужѣй крові пополоскавъ вінъ руки,
Й попанувавъ въ лѣсахъ и по степахъ!
Далѣ — не стало списа и ручниці,
Прійшлося здать и стѣны, и бійниці!
— Шчо миркувать! чи доля, чи не доля,
(Мовлявъ народовѣ зъ ченцівъ одинъ)
Одъ Бога все . . . —

Ажъ сумно . . . далѣ, зъ церквою, шарахъ!
Пішли підъ землю дзвоны, и пропали . . .

Та-й доси, кажуть, якъ умре козакъ, —
Гудуть тѣ дзвоны, плачуть мовъ зъ печали,
А иншого, такъ . . . диво! . . за житьтя,
Шче на свѣтѣ, тѣ дзвоны поминали . . .
Е чутка: вже не жди зъ того путьтя,
Кого оттакъ тѣ дзвоны поминали:
Такихъ безъ славы й жалю, якъ смитьтя,
Зъ-промежъ людей смерть вѣчна вымитае,
Нема про нёго на свѣтѣ чутьтя,
Нема й могилы — въ землю западае!»

ДО ГОСТЕЙ.

Мы до гостей пріязнй хочъ коли!
Кинемъ для гостя и плугъ и волы,
Пйдемъ вказать ему стежку до хаты,
Зъ гостя нй за шчо не возьмемо платы;
Бо намъ казали розумнй батьки:
Божою ласкою овощъ — садки,
Жито зъ пшеницею родить намъ поле
Не для однихъ насъ, на всякого долю!
Якъ чоловѣковй мы не дамо,
Богъ покарае, сами помремо!

Въ слёту, зимою мы прілзнй:
Стукне гость въ перший, чи въ третй пѣвнй, —
Встанемо, кинемо сонъ и роботу,
Встанемъ, вйдчинемо гостю ворота:
«Гостю! ночуй въ насъ, и постйль отсе,
Е и для коникйвъ, е въ насъ сѣнце . . .
Бачъ, якій вѣтеръ мете и гукае!
Тйльки не внось свого, гостю, звычаю . . .
Батько казавъ, шчо якъ свій оддамо,
Мы и дѣткй нашй — пропадемо.»

ПЙШЛИ НАВТЙКАЧИ!

Свѣтивъ мѣсяць, свѣтивъ зъ по-за-хмары . . .
Два козаки на коникахъ утйкали:
Вони-жъ отто зъ Украины утйкали,
Пилно зъ Украины мовъ вйдъ кары.

Дйбрйвонька надъ водою знай шумѣла,
Шось Днѣпръ-воду дуже колыхало:
Чи-то вона, та дйброва, гомонѣла,
Чи козаки зъ Днѣпромъ розмовляли?

«Не покидайте рідную, дѣтки, мати,
Не берѣте далекого шляху;
Бо нікому на ворогівъ буде стати,
Бо достануся Татару й Ляху!

Найдуть ворога на мене чорні хмары, —
Литимете кровъ на чужѣмъ краю!
Мене вже ховати кластимуть на мары, —
Спатимете на тихѣмъ Дунаю!

Коли-жъ зьѣла уже ржа списы й шаблюки,
Вамъ огидло ходить за волами,
Зруйнували й вѣру вороги-гадюки, —
Не втікайте, козаченьки, сами!

Возмѣть-лишень нашу славу вы зъ собою,
Нехай буде про насъ чути й за горами . . .»
Гомонѣло, гуло надъ Днѣпромъ-водою,
Тупотѣло горами й долами!

ПОКОТИПОЛЕ.

Въ осенї мы тряслись въ таратайцѣ въ село:
Вже на нивахъ нїчого тодѣ не було,
Тїльки шчо покотиполе вѣтромъ несло.

Отто зъ дѣдомъ тряслись: воно все, бачъ, не пѣшки!
Самъ покїйникъ державъ, далѣ давъ менѣ вижки;
Тютюнъ вынявъ, та й люльку повненько напхавъ,

Запаливъ, въ зубы взявъ, розкуривъ та-й казавъ
(Коли зхоче, розумно старый було каже):

«Ось послухай, малый! якъ шчо въ серце заляже,
Коли хочъ, шчобъ не вызнавъ того чоловѣкъ,
Не кажи и былинцѣ, не тільки шчо жінцѣ:
Бо въ жінокъ, знае свѣтъ, дуже довгій языкъ...
А, по моему, лучче не мовъ и былинцѣ!
Отсе разъ! а шче-йте, шчо відъ кары лихый
Не втече; таки Богъ покарае Святый,
Хочъ зайшовъ бы, де й вѣтеръ не здума повѣять...
Такъ, по моему, лучче лихого й не дѣять!

Въ осени два товарыші изъ заробітківъ йшли,
А одинъ изъ нихъ бувъ чоловѣкъ не хорошій:
Вінъ товарыша вбивъ, шчобъ загарбать его гроші...
Те сподѣялося, якъ жнива вже пройшли,
И у полѣ зъ людей не було никогісінько:

Якъ на помичъ зарѣзаный кликавъ, стогнавъ,—
Тильки вѣтеръ озвався, шчо въ полѣ блукавъ,
Зъ покотиполемъ мчався по нивѣ пустисинь-
кѣй . . .
Умираючи, имъ винъ казавъ-завѣщавъ,
Шчобъ одъ помсты не втикъ той лихый чо-
ловѣкъ . . .
Отъ и другиї жнива вже прійшли черезъ рикъ.
Мужикъ зъ жинкою въ полѣ якось запизни-
лися . . .
Коли се мужиковї причудився крикъ:
Покотиполе по-полю зъ вѣтромъ котилося!
Винъ изперше злякався, далѣ засмѣявся,
Та-й не зтерпѣвъ, и жинцѣ своѣй винъ при-
знався
(Бо вже въ полѣ зъ людей не було никогисинько):
Каже, кликавъ на помичъ на нивѣ пустисинь-
кѣй . . . .
Черезъ три-дни село уже знало, й не втикъ,
И видъ лиха не втикъ той лихый чоловѣкъ . . .
Бо въ жинокъ, знае свѣтъ, дуже довгій языкъ!»
Вижки въ мене узявъ, потряслися въ село . . .
А на нивахъ скризь пусто та пусто було,
Покотиполе вѣтромъ несло та гуло.

БАБУСЕНЬКА.

Старую бабусеньку згадаю! вона мене кохала: пѣснями пеленала, рідным словомъ кормила, рідней мовѣ учила, старую бабусеньку згадаю! Згадаю старую сиротину! бо вже їи родину давно взяла могила, и землею здавила, й кропивою прикрыла, дожчемъ-снѣгомъ змочила. Бабусенька була сиротина: бо давно їи дитина, шчо Цареві служила, головоньку зложила, въ степу-полѣ заснула, грому й вѣтру не чула. . . Про козака вона спѣвала:

якъ ёго мати проганяла, дибривонька гомонѣла; якъ ёго вона выкликала, зъ степу чутка летѣла: шчо винъ зъ вѣтромъ тамъ грае, ёго дожчикъ вмывае, розчисуе ёго густый теренъ! И про того козака спѣвала, про якого могила зъ вѣтромъ говорила: зозуленька надъ нимъ плаче, ёго коникъ въ степу скаче, надъ нимъ чорный воронъ кряче; кряче, налитае, очи высмыкае, кровью запивае... и про ёго бабусенька спѣвала! Та шче бабусенька згадала: якъ зозуля кувала, лихо вѣщувала; якъ чорная година списы, шаблй трощила, и довгую чуприну въ крови помочила, та-й въ глыбокую могилу зарыла. Бабусенька менѣ спѣвала, мовъ осинь листя зрывала, и въ осоцѣ шелестѣла: вже зпавъ голосъ, бабусенька хрипѣла; вона жъ таки спѣвала, вона жъ таки спѣвала!

САМОТНЙ СПѢВЦЙ.

Пойте, людіе, пойте.

Ой, изъ моря изъ глыбокого
Крута скеля пйднймаеся;
Промежъ хвилями однимъ-одна,
Та-й у бурю не хитаеся.

Поверхъ каменя сѣденького
Молоденькій вьязъ виднѣеся;

Вінъ росте-цвѣте однимъ-одинъ,
Самотный вінъ зеленѣеся.

И рыбалочка самісінька
И снуеся и выспѣвуе;
На зеленый вьязъ прилітуе,
Дѣточки свои провѣдуе.

Любо самотнымъ жить на-свѣтѣ,
Скеле, вьязе и рыбалочко . . .
Любо, любо . . . коли-се гень-гень
Налітае чорна хмарочка.

Буря-хвиля розходилася,
И на камінь напустилася:
Розхитався, розшатався вінъ,
Зъ нимъ зеленый вьязъ пішовъ на дно . . .

И рыбалочка снувалася,
Поки дуже притомилася,

И въ водицю опустилася,
Вйдтйля вже не верталася . . .

Хай же я вамъ нагадаю,
Гей, вы самотнй спѣвцй!
Шчо нйкчемнїи для краю
Всѣ самотнїи пѣснй!

Той пустився въ синье море,
Той на темный чужїй край:
Мовъ не вчули (шчобъ имъ горе!),
Шчо мовлявъ розумный Царь . . .

Е въ насъ Вѣра, Царь и Мова,
И чимало насъ Словенъ,
Все свое въ насъ . . . ну, чого вамъ
Шче шукати въ бусурменъ?

Гей, вы злйтайтеся хлопцй спѣвцй:
Голоснѣше заспѣвае стая!

Край не малый въ насъ, великій въ насъ Царь:
Шчобъ була-жъ и пѣсня голосная!

Станемо корнемъ на рîднѣй землѣ,
Мîцно, лѣсомъ...насъ не зкине око!
Тîльки брехню чужина прокричить,
Гряне пѣсня изъ Русî широко!

Скелями-валомъ врости-бъ намъ, спѣвцî!
Бувъ бы Царству валъ замѣсь плотины:
Нечисть якъ вродиться въ иншѣй землѣ,
Не пустивъ бы въ край нашъ изъ чужины.

ДИТИНА-СИРОТИНА.

1.

Якъ тѣльки гулькъ на свѣтъ свята недѣля,
То й стане заразъ веселѣшій свѣтъ,
И выйде сонечко, мовъ на весѣльля,
Червоне й гарне, якъ та рожа квѣтъ.
Дитина беля церкви смутна, тиха:
Хиба однѣй ѣй яке лихо?

2.

Старе й мале, до церкви знай пилнуе;
Бо дзвѣнъ давно вже кличе: бовъ та бовъ!
Спѣвае дякъ, ажъ все сусѣдство чуе;
Зъ кадила дымъ по церквѣ вже пішовъ . . .

Однимъ-одна на улицѣ дитина,
Й старенькая на ѣй свитина.

3.

Посыпали вже зъ церкви чоловѣки,
Хлопьята, молодицѝ и дѣвки;
Ось по дворахъ пѝшли старцѝ, калѣки;
Частуються, кому кого зъ руки . . .
Дитину шчось нѝхто не привѣтае,
И на пирѝгъ не закликае.

4.

И сонечко вже пѝднялось . . . палае . . .
Панъ зачинивъ вѝкно, мухъ выгнавъ, спить . . .
Хто лущить соняшникъ, орѣхъ кусае,
А де-хто такъ пѝдъ хатою сидить . . .
Дитина-жъ тà по-пѝдъ тыномъ блукае:
Чи-то й хатиночки немае?

5.

Въ пѝску, на сонцѣ, дѣтвара ѝграе . . .
Въ бѣленькихъ сорочкахъ . . . прійшло й
воно . . .

Нихто ёго и словомъ не займае:
Межъ ними все собѣ однимъ-одно . . .
Чи міръ тому мовъ травка зеленѣе,
Кому мовъ сонце счастя грѣе?

6.

Онъ, беля церкви, впьять, бачу, дитина . . .
Перехрестилося, та-й далшъ бреде:
Тимъ шляхомъ дякъ, та домовина,
Та пипъ зъ кадиломъ инколи иде . . .
Прійшло, та-й сѣло собѣ на могилу;
А ихъ багацько зеленѣло!

7.

Въ вечерню дзвоны вже людей зкликали,
И ажъ по-за селомъ гуло: бовъ, бовъ!
Надъ гробовищемъ ластивки літали,
Вѣтрець на ёго зъ поля йшовъ . . .
Воно къ землѣ мовъ къ ридней прилягало,
Зъ могилою мовъ розмовляло . . .

8.

И радесенька дитина уставала,
Мовъ ридныхъ, батька й матинку, знайшла;

На сонечко вечірнье поглядала,
Мовъ рідная тамъ хатонька була . . .
А слізоньки яснесенькі якъ скло
Капъ, капъ зъ очиць . . . и въ церк-
ву йшло.

ДУМКА ЧЕРВОНОРУСЦЯ.

Все ся втихомирило . . . либонь заснуло! . .
Вже по вымощеныхъ улицяхъ не грякотить,
Не лящить и голосный москаль: кипить, ки-
пить!
Де-коли гукне на баштѣ, й понесеся
Гукъ по городовй, и мале жахнеся . . .
А нйхто не вештаеся и не гомонить . . .
Тйльки зъ крышъ залѣзныхъ дожчъ то капа,
то дзюрчить . . .
Все ся втихомирило, либонь заснуло!

Край въ сю пору згадуе мй ся частенько,
Де густй луги, садочки зелененькй,
Й хаточка зъ-межъ нихъ бѣлѣеся панянкою . . .
И въ садкахъ, въ гречкахъ, въ лѣсахъ пасѣ-
ки и бджйлки!
Де святки зъ колядкою, весна зъ веснянкою,
И такй чуднй казки, кумеднй загадки;
Де дѣвчина изъ пѣснями, зъ чорными бро-
вами . . .
Де жила старовина, поки жили батьки!

Хто тя, краю милый, хто по волѣ кине?
Хто къ тй изъ чужины, краю, не полине,
Изъ-за моря думкою, зъ-за горъ голубкою?
Въ безрйдного душа вьяне, сердце стыне;
Полину-жъ къ тй хоча думкою-голубкою!
Тяжко-важко, тяжко-важко на чужинѣ:
Чужина мя не родила и не колыхала,
Мя не годувала, може-й не бажала!

ГЕТЬМАНЪ.

Въ туманъ зйроньки поховалися,
И мѣсяць у хмары заплывъ;
Рѣчки дожчовіи спувалися . . .
Старый Днѣпръ шумѣвъ, гомонѣвъ.

Высоко на замцѣ, въ сю нйченьку,
Нашъ гетьманъ вельможный стоявъ.
Чи вйнъ любувався на рѣченьку,
Чи слухавъ якъ дожчъ порощавъ?

Вінъ голову сиву схиливъ якъ былину,
И пилно орломъ позиравъ на Вкраину.

«На сторожѣ мое ухо;
А все тихо, а все глухо!
Чи козакъ и кінь умеръ?
Чи орелъ безъ крылъ, безъ перъ?
Вже край втихомирився: чую одъ моря до моря
Не пахне вже ворога духъ,
Не мае вже вражого трупу . . .
Якъ на гробовищахъ въ нічъ глупу,
Де смерть все розсыпала въ пухъ,
Все, чую, вже тихо одъ моря до моря . . .
Чи орелъ безъ крылъ, безъ перъ?
Чи козакъ и кінь умеръ?
Все и тихо, все и глухо . . .
Даромъ на сторожѣ ухо!»

Прислухався, глянувъ шче разъ на Вкраину,
Схиливсь якъ былина и самъ въ домовину . . .

На замокъ дивлюся: вже въ нїченьку
Панъ гетьманъ либонь не стоить . . .
И слёзы не каплють на рѣченьку,
Й не слуха якъ дожчъ порощить! . .

У хмары зїрки поховалися,
И мѣсяць заплывъ у туманъ . . .
Рѣчки дожчовїи снувалися,
И Днѣпръ гомонѣвъ якъ гетьманъ.

СТАРЕЦЬ.

Не до конца забвенъ будетъ нищій.

Вѣтрець передзимный, вохкій, холодненькій
Въ поблеклѣй дибровѣ листомъ шевеливъ-шелестѣвъ.
Йшовъ старець зъ торбиною сивый старенькій,
По листю червоному й жовтому, листъ хрупотѣвъ...

«Колись-то, якъ Богъ шче не взявъ въ мене
батька и неньки,
Въ сю пору на тїкъ було-возимъ стїжки . . .
Було въ насъ усёго: и хата, й садки зелененьки —
Вишневї, грушовї, медокъ и бджїлки...

Умерли — злї люди прогнали зъ хатины,
И старцемъ пустили малого мене . . .
Схиляю головку старому й дитинѣ,
Менѣ й ненарокомъ нїхто не кивне!..

По селахъ тынаюся; сплю коло тыну:
Не рїднї, чужїи и хаты, и тынъ! . .
Мене може вѣтеръ въ лихую годину
Зорве якъ былину . . . не бовкне и дзвїнъ! . .

А шче и для мене Богъ на-свѣтѣ радїсть зберїгъ:
Въ село причвалаю въ недѣленьку вранцѣ,

Та-й слухаю . . . бовъ! . . то я въ церкву,
мерщѣй на порîгъ! . .
То домъ не чужій и для Божого старця! . . . »

Вѣтрець передзîмный, вохкій, холодненькій
Въ дîбровî пожовклѣй листомъ шевеливъ-шелестѣвъ . . .
Дзвîнъ бовкнувъ . . . йшовъ старець швиденько, швиденько,
А далѣ втомився, схилився, присѣвъ та-й зомлѣвъ.

КОЗАЧАЯ СМЕРТЬ.

Посвящено

Петру Петровичу Артемовскому-Гулаку.

Сваты попоиша, и сами полегоша.

Де недавно козакъ гомонѣвъ,
Ёго кінь тупотѣвъ,
Якъ на Ляха козакъ налітавъ,
Въ нёго списъ запускавъ;

Тамъ тихо по бѣлому степові сивый
Туманъ розлягаеся . . .

Ясный мѣсяць то изъ - за хмары погляне,
То въ хмару ховаеся . . .
Степъ-земля рйдну й нерйдну кровъ допивае;
А промежъ трупами стогне, мовъ розмовляе . . .
То старый козакъ изъ сыномъ вѣку доживае,
И порубаный зъ посѣченымъ вйнъ розмовляе . . .

— Батьку, батьку! менѣ душно, мене пече,
Въ горлѣ засыхае!
— Сынку, сынку! беля мене все кровъ тече,
Водицй немае!

— Батьку, батьку! хто по насъ въ степу заплаче,
Хто насъ поховае?
— Чуешъ, сынку? чорный воронъ вьеться, кряче,
За дяка спѣвае!

— Батьку! изъ-за плечей морозъ подирае,
Въ сердцѣ стыне, стыне . . .

— Трупомъ вкрыйся, кровью вражою умыйся,
Й ихъ не трохи гине! —

Оттакъ розмовляло, далѣ застогнало,
А далѣ й замовкло . . . тільки кровъ дзюр-
чала . .
Де недавно козакъ гомонѣвъ, ёго кінь ту-
потѣвъ, —
Воронъ крякавъ, літавъ, и спускався, й на
трупахъ сідавъ . . .
Чуешъ, якъ и вѣтеръ засвистѣвъ, загомонѣвъ?
Плаче, оплакуе козакивъ — своихъ бративъ!..
Кости по степахъ въ пискахъ ховае,
Пѣсню поминалную спѣвае . . .

ГУЛЯНКА.

Зрше на заполена зраки, и пѣнѣмъ срдце ймаше.

Вже не по першѣй пьемо отсе чарцѣ:
Такъ изгадаймо про де-шчо мы, братця,
Шчобъ воно зъ нами шумѣло, гуло,
И гуркотѣло, стогнало, ревло!

Въ чорныхъ хмарахъ, чорныхъ хмарахъ
Зъ небомъ мѣсяць и зйрки,

Червонѣють въ чорныхъ хмарахъ,
Грають, грають блискавки.
Грякъ, и далеко загуркотѣло!
Вѣтеръ зхватився, и загуло!
Въ лузѣ, въ дибровѣ загомонѣло;
Море повстало, и заревло!
Трискотня въ борахъ, бо сосны вѣтръ и
грімъ стреляе;
Галасъ! грімъ и вѣтеръ землю й море бье,
карае!

Вже не по першѣй пьемо отсе чарцѣ:
Такъ изгадаймо про де-шчо мы, братця,
Шчобъ воно зъ нами шумѣло, гуло,
И гуркотѣло, стогнало ревло!

Въ село, на крыши хатъ, въ солому,
Чи одъ земли, чи-то одъ грому,
Прожорливый лихый огонь прійшовъ:
На крышу зъ крыши вінъ, червоный, йшовъ
Якъ одъ овечки до овечки вовкъ . . .
Хто зпершу и кричавъ, далѣ замовкъ:
Пожаръ гарцювавъ по селу дуже шумно;
Стояли, дивилися люди . . . ажъ сумно! . .

Земля стугонѣла, огонь гуготѣвъ, и стогнало село:

Дымъ, вѣтеръ й огонь тамъ боролись, трîщало, ревло!

Вже не по першѣй пьемо отсе чарцѣ . . .
Такъ изгадаймо про де-шчо мы братця,
Шчобъ воно зъ нами шумѣло, гуло,
И гуркотѣло, стогнало, ревло!

Текла червоная рѣка,
Якъ Ляхъ ишовъ на козака:
За нимъ, пîдъ нимъ, надъ нимъ
Огонь и кровъ и дымъ!
Шабли брязчали;
Списы трîщали!
Трощили кîстки копытами,
Мостили мîстки головками.
Скакали на вороному конѣ;
Стогнали долî въ червонѣй крови . . .
И ручницî и лукъ-нукъ, пукъ, пукъ, пукъ!
И то ворогъ, то кîнь-гепъ, гупъ, гепъ, гупъ!

Вже не по першѣй пьемо отсе чарцѣ...
Такъ изгадаймо про де-шчо мы, братця,
Шчобъ воно зъ нами шумѣло, гуло,
И гуркотѣло, стогнало, ревло!

Нй! крикъ то шче не крикъ, якій учуе ухо,
И до якого міръ привыкъ.
Отто страшнѣшій крикъ, якъ тихо-глухо,
Замовкъ языкъ, бо въ сердцѣ крикъ...
И мовчки, тихо, тихо
На міръ находить лихо.
Якъ потухше сонце, крикъ такій по міру гряше,
И проспеться, изъ могилъ, шчо спало въ нихъ, повстане...

Одже-й не весело, якъ-то й не шумно...
Слухайте, братця, якъ тихо и сумно...
Бовъ!.. то по мертвому бовкнуло въ дзвйнъ...
Въ церкву ходѣмо, Богові вдарьмо поклйнъ!

ШИНОКЪ.

Галасъ, гукъ и крикъ,
Ажъ трясеться шинкъ!
Хто пѣсню заводить,
Далѣ-й занявчить;
Изъ барилъ дзюрчить,
Все ходоромъ ходить:
Брязкотня чарокъ,
Шкваркотня люліокъ,
Трѣскотня лавокъ,
Трясеться шинокъ!

Чи не до утренні кличе то дзвінъ?
— Ні! то зъ мірянъ хтось теленька зъ похмільля! —
Чи-то по мертвому бовкнуло въ дзвінъ?
— Ні! то вѣнчае пінъ, на весільля
Завтра збереться цѣле село . . .
Бачъ, въ усѣ дзвоны якъ загуло! —

Старый каже, шчо вінъ сиротина,
Однимъ-одинъ якъ въ осінь былина:
Давно въ ёго катма жінки,
Въ ёго катма й дѣточокъ,
Тильки й рідныхъ шчо шинокъ!
Нікому справлять поминки,
Нікому й весільля одбувать,
Окромъ себе, нікого ховать!

Не зтакъ старый: «жінка е,
Е шче и дитина;
Та якъ выпье, й жінку бье,
Плаче и дитина:
Тимъ вінъ дома и не пье,
А въ шинку зъ кручины!»

Хлопець каже: «шче поки пора,
То й гуляй, кричи: тара, рара!

Старість швидко причвалае;
Хай же вона утікае,
Старість, навѣсна мара;
Крикнемъ, гукнемъ: трарара!

Батько дуже вже розумный,
Того дома въ насъ такъ сумно;
А въ шинку не зтакъ розумно,
Зате шумно и не сумно!

За чуприну смерть хапа —
Йди зъ грѣхами до попа:
У шинку не та пора —
Кричи, гукай: трарара!»

Чи не до утренній кличе то дзвінъ?
— Ні! то зъ мірянъ хтось теленька зъ похмільля! —
Чи-то по мертвому бовкнуло въ дзвінъ?
— Ні! то вѣнчае піпъ, на весільля

Завтра збереться цѣле село . . .
Бачъ, въ усѣ дзвоны якъ загуло! —

На дзвінницѣ гуло,
Розбудило село:
Зиркъ! червоный пѣвень вставъ
На шинку, та-й заспѣвавъ!
Вѣтеръ засвистѣвъ, и съ пѣвнемъ заспѣвавъ,
Чорне и червоне пірья роздувавъ . . .
Сонце встало: вже въ шинку не гомонѣло;
Бо шчо гомонѣло, все вже почорнѣло,
Почорнѣло, погорѣло,
Зъ вѣтромъ полетѣло!

Н Й Ч Ъ.

Менѣ въ памьятку нйчъ, якъ
Сѣли въ човенъ старый — дякъ,
Дякъ та я, та-й махнули . . .
Та и тихій лежавъ
Тодѣ Псло,
И, гладенькій, блещавъ
Якъ-бы скло:
Верстъ за пьять либонь чули,
Якъ шубосне весло,
И мовъ срйбнй зйрки

Заблещать крапельки,
И притихне впьять Псло . . .
Дякъ казавъ
(Бо читавъ
Вже книжокъ вінъ доволі
И у церквї, и въ школѣ;
Бо на те вже и дякъ
Шчобъ книжки тѣ читать!)
Вінъ казавъ: одже бачъ глыбоченько на днѣ
Мовъ маленькї рыбки
Тѣ ясненькї зїрки?
Та шче зъ ними и мѣсяць: вони не однї!
Воно й чудно хто зъ розумомъ гляне!..
Одже оншо: якъ снѣгъ на веснѣ
Шче денёкъ поблещить, та-й ростане;
Якъ трава въ осени на землѣ
Зелененька, а завтра й зовьяне;
Снѣгу лѣтомъ, зїмою травы вже немае,
Хочъ де хоче нехай чоловѣкъ пошукае:
Колись свѣтъ такъ зовьяне, ростане!
А хто вмеръ, той устане, погляне:
Уже сонця немае,
И землї вже немае!

*

Тільки те, шчо вінъ на-свѣтѣ дѣявъ,
Коли доброго шчо тамъ посѣявъ,
Зійде въ небѣ, й зіркою засвѣтить,
И до Бога стежечку освѣтить . . .
Хто посѣявъ лихо, тому лихо зійде:
Темно, темно . . . и до Бога вінъ не дійде!
Ёму вѣчно блукать,
Дарма раю шукать,
Въ сердцѣ пекло нести,
И літать и брести,
И брести и литать,
Въ сердцѣ пекло нести,
Дарма раю шукать,
Ёму вѣчно блукать!

Одже, чувъ ты? Божій свѣтъ ростане и зовьяне,
Якъ трава у восінь вьяне, снѣгъ весною тане;
Хто шчо въ свѣтѣ дѣявъ, въ Бога ся зостане:
Богъ такъ каже . . . якъ Вінъ каже, такъ и стане!

ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

Царство Бѣлого Царя широко розлеглося,
Одъ восходу до заходу сонця простяглося:
Е тамъ чимало мѣсця для силы,
Мѣсця чимало и для могилы . . .
Тѣсно вже въ Нѣмця, тѣсно, и мѣсця неразъ
Для гробовища въ ёго землй либонь не ставало;
Зъ силою-ратьтю йшовъ тодѣ Нѣмецъ на насъ,
Для гробовища рйдную землю мы уступали,

И до земли̂ ажъ Нѣмцѝвъ списами мы притинали,
И въ глыбоченькихъ, ри̂дныхъ, бѣленькихъ снѣгахъ ховали!

Шче не далеко изъ міру утѣ̂къ
Памьятный Мо̀скве̂ и міровѝ ри̂къ,
Якъ пѣ̂внеба зѝрочка мѝтлою зостилала,
За грѣхи по всѣхъ усюдахъ кару розмѝтала:
Французъ изъ Нѣмцемъ побратався, край нашъ псувавъ,
Вѣшавъ и рѣзавъ людей, церкви обдиравъ.

Якъ-же Царь загомонѣвъ, та якъ сыпнули,
Якъ зъ усѣхъ ки̂нцѝвъ гостей жарнули:
Самопалы
Якъ ревнули,
Задзизчали
Кули̂, кули̂;
Засвистѣли
Стрѣлы, стрѣлы,
И козацькій гострый списъ

Въ ребра ворогивъ полѣзъ . . . .
Якъ одъ косы покосы ворогъ до землй лягавъ,
Кровью чужую землю поливавъ и полоскавъ . . .

И козакйвъ изъ могилы въ часъ той выкликали,
Шчобъ уставали на помйчъ — Мòскву ратувàли:
Знову чубатый на конику въ полѣ гасавъ,
Москву святую изъ пйдъ ворогà вызволявъ!

И нашихъ костей полягло
Тодѣ коло Мòсквы чимало;
Та такъ ихъ чимало було,
Шчо й воску на поминъ не стало!
Та шчо-жъ! мы одну запалили имъ свѣчку:
Про свѣчку такую шче-й свѣтъ не чувавъ,
Яку мы зпалили одну — невеличку
За тыхъ рйднй душй, хто насъ ратувàвъ . . .
И Москва, якъ Божая свѣчка, огнемъ занялася,
И Москва, якъ ворога кровью, огнемъ залилася;

Якъ зйрка зъ мйтлою, шчо въ небѣ стояла,
Пйвнеба червонымъ хвостомъ застилала . . .
Вона гуготѣла, вона клекотала,
Стогнала, трйщала, ревла и бурхала
Якъ хмары та хмары изъ черева дымъ,
А въ нихъ гуркотѣвъ зъ блискавками и
грймъ . . .
Такую братамъ на поминки мы свѣчку
Для Бога зпалили одну — невеличку;
Вона-жъ намъ одъ Бога купила избаву,
Зъ насъ тяжкую кару зняла:
Изъ рйдного краю, мовъ зйрка мйтлою,
Всю нечисть-чужину змела!

ВЬЯЗОНЬКО.

(пѣсня).

Ой, вьязоньку молоденькій,
Чому рано опадае,
Чому по̀-полю лѝтае
Твій листонько зелененькій?
Та чи вже-жъ-то роса зъ неба не западае,
Чи сонечко землю вже не пригрѣвае?

А е вьязы вже й старіи,
А шче на ѝхъ зеленѣе,

Й вѣтеръ по-полю не сѣе
Ихъ листки уже сухіи:
Чи-то вѣтеръ на ихъ однихъ зтиха вѣе?
Чи ихъ роса поливае, сонце грѣе.

«Ни, братику! й мене роса мые,
Й менѣ сонце тепло посылае:
Не те, шчобъ доли менѣ не мае!
Та въ чужинѣ сердце менѣ ные...
Того-жъ бо то и листъ рано опадае,
Хочъ, братику, мене й вѣтеръ не хитае!»

ДОБРЫДЕНЬ.

Добрыдень!
Глянь, якій усюды день:
Свѣтъ вже въ хатѣ й на дворѣ;
Вже зібрались косарі,
Та въ клепала: дзень, дзень, дзень!
Добрыдень!
Годѣ спать!
На роботу уставать
Зъ позаранку привыкай,
Та-й мене - лишень не гай:
Бо пора й почастувать!
Годѣ спать!

ГЛЕКЪ.

Посвящено Грицьковй Основьяненковй.

Йшовъ Глекъ Петро, уже пйзненькою
добою,
Вйдъ панотця, та-й такъ балакавъ самъ
зъ собою:
«Нй, нй, паноче, нй! шчобъ помылився,
Та не въ своей я хатѣ оцепився . . .
Нй, нй! сёго не буде вже зомною! . . .
Доба, бачъ, пйзня . . . . та-й сею добою,
Хочъ трохи, бачъ, и выпивъ, сйлькось! доч-
валаю
Таки до хаты . . . . вже и мрѣе изъ за гаю!

Ось! Божіи на небѣ зірочки,
Мовъ на Великдень въ церквї свѣ-
чечки,
Дна за другою блись та блись
А далѣ всѣ и занялись!.. . .
А онде й молодикъ! здоровъ-бувъ, моло-
диче!
Эге! чи вінъ то чуе, якъ ёго хто кличе?
Залѣзъ собѣ за хмару, та-й куня!—
Та де тсе я? отсе ишче пеня!
Он-тамъ шчось бованѣе мовъ стїжки...
Такъ не стїжки . . . . э, бачу, могилки!
Се гробовище, бачу! онде мрѣе
Й зеленый хрестъ — старый тамъ сот-
никъ тлѣе!
Та шчо то бувъ зъ ёго колись за чоловѣкъ!
И довго живъ: такимъ дай Боже й довгій
вѣкъ!
Въ недѣлю, въ свято зпозаранку
Отсе ворота и оддзяпить:
Иди, иди хто тїльки втрапить—
Е всякому горїлки чарка,
Й усе! Э, вже такихъ, мабуть, нема на свѣтѣ!
Хочъ, такъ-таки, перебери въ усѣмъ повѣтѣ,

Хочъ зъ свѣчкою шукай, нема таки, нема!
А вже ума того було въ нёго, ума! . . . .

А осьдечки й Семенъ Патыка.
Хочъ голова була й велика,
Та розуму вдѣливъ Господь ѣй трохи:
Все жинки було слуха винъ Явдохи!
Чи до людей пійти, чи жито жати,
Чи-то другая де яка робота:
Усѣмъ Явдоха вже розпоряжае!
Ну, такъ шчо вже не выйде було зъ хаты,
Не тильки шчобъ безъ жинки за ворота:
Воно-бъ-то й чудно, а въ людей буває!—

Э! не такій бувъ Опанасъ Кулишъ:
То, бачиться, лежить винъ въ лѣву руку . . . .
Голицный вдався на усяку штуку:
Чи визъ, чи колесо, чи-то лемишъ
Полагодить тобѣ, або сокиру,—
До ёго йди: винъ вже такій . . . хочъ шчо утве!

Зъ бѣды не разъ вызволювавъ вінъ и мене,
Та-й шли до ёго изъ усёго міру!
А ёго жінка шче къ тому й знахорювала,
Та таки-такъ, шчо де кому и помагала.

Побеля ёго и Юхимъ Стонога:
Такъ, ні-завіщо згинувъ вінъ, не бога!
Поки не зстарівся, було завзятьтя,
Була худобинка, и люди поважали!
А якъ, на старість, поховавъ вінъ зятя,
Й дочку; такъ таки тѐ, шчо відъ печали,
Та й такъ—відъ чого, хто ёго вже знае —
Шчодня, сердега, вінъ въ шинокъ було
чвалае . . .
Не те шчобъ самъ вінъ пивъ—вінъ и люд-
цівъ частуе —
Такъ, бачъ, було вже дуже часто чимчикуе!
А далѣ ні-навіщо звівся . . .
Зімою якось запізнився —
(Та и лиха-жъ була година!)
Заклякъ сердега въ хуртовинѣ . . .

Онъ-тамъ, беля вербы, Олекса Шпичка:
Русявый чоловѣкъ, а хата не величка,
И по сусѣдству живъ—кумедный чоловѣкъ!
Ну такъ, шчо въ выгадкахъ пройшовъ ёго ввесь вѣкъ . . .
И выдумавъ вînъ на своѣмъ вѣку чимало,
Та все за нимъ собѣ въ могилу почвалало!
Отсе було сидить вînъ въ мене, або въ кума, —
Всѣ торохтятъ, а вînъ тихесенько . . . все дума!
А тамъ, гляди! по своему млинъ и змайструе:
«Та се не млинъ!» зъ розумныхъ де-хто було каже;
«Нî, нî . . .» Москаль народовî було толкуе:
А млинъ тобѣ, якъ дîогтемъ вînъ ёго пîдмаже,
Якъ пîде було драть — и вѣтру мовъ не мае,
Дере вînъ, крылами якъ той орелъ махае!
Отсе майстры «навчи, будь-ласкавъ!» та зъ поклономъ!
А вînъ: «отъ бознашчо! хиба воно такъ трудно?
Подумай-лишень самъ! хиба подумать нудно?
А вже навчить не вмѣю! бій хочь макогономъ!»

Не тільки те, й узла по нашому не звяже,
А все по своему: «на те и розумъ!» — було каже —
«Тче и паукъ, таку якъ батько, павутину!»
Такївській бувъ! одже пішовъ у довомину...

Въ отсѣмъ кутку Лящї: їхъ на селѣ
Було не трохи; одже всѣ въ землѣ!
Одинъ изъ нихъ . . . Павло . . . такъ той ажъ въ манастырь
Пішовъ, до Кіева, та-й у ченцї постригся:
Спасенный чоловѣкъ! . . вже може й присвятився . . . .
Якъ зійдуться було, та якъ почне Псалтырь—
Э! вже письмо, покійникъ, знавъ вінъ дуже!—
Воно, хто ёго зна, шчо вінъ таке читае,
Такъ слёзы котються, й морозъ всёго проньмае . . .
А вінъ собѣ чита, ёму й байдуже!
Якъ въ Кіевъ разъ пійшло нашихъ зъ села чимало,

Зъ нимъ бачився нашъ Федѣръ Покотило:
«Не те (казавъ) вже и въ ченцяхъ якъ-то бувало!»
Уремья-бъ-то усе переробило!...

Всѣ полягли! садки, ставки и хаты,
Й дѣтокъ покинули, хто бувъ жонатый! —
Тутъ матѣнка моя й покійникъ батько:
Одъ нихъ малымъ зостався я, й мене
Принявъ Михайло Квачъ, покійный дядько:
Ёго за те Богъ въ царствѣ зпомьяне!
Э, вже такихъ нема, вже вывелись межъ нами!
Вѣнъ зъ Запорожья бувъ, та якъ було почне
Про старину... вже вывелись такѣ межъ нами...
Вѣнъ взявъ мене, довѣвъ до розуму, женивъ...
Богъ давъ було й дѣтокъ, та въ свѣтъ пустивъ
Не на-довго.... и жѣнку разлучивъ зо мною...
Упьять я на-свѣтѣ зостався сиротою...»

Такъ Глекъ старый балакавъ дуже, далѣ тихше,
А тамъ замовкъ, схилився на могилу ...
До церкви вранцѣ йшли — до ёго, вйнъ недыше:
Взяли, та-й положили въ домовину.

СМЕРТЬ БАНДУРИСТА.

Утрудихся зовый, измолче гортань мой,
буря потопи мя.

Буря выє, завывае,
И сосновый бйръ трощить;
Въ хмарахъ блискавка палае,
Грймъ за громомъ грякотить.
Нйчъ то углемъ вся зчорнѣе,
То якъ кровъ зачервонѣе!

Днѣпръ клекоче, стогне, плаче,
Й гриву сивую трясе;

Вінъ реве, й на камінь скаче,
Камінь рве, грызе, несе . . .
Грімъ шчо гримне, въ берегъ гряне —
Зъ пущі поломья прогляне.

Те не дивно, шчо такъ шумно,
Шчо разъ-по-разъ блись та грякъ!
Те дивнѣшъ: спѣвае сумно
Надъ Днѣпромъ старый козакъ:
Пѣсня зъ вѣтромъ розлітае,
Мовъ той вѣтеръ братомъ мае . . .

«Грімъ напусти на насъ, Боже, зпали
насъ въ пожарѣ:
Бо и въ менѣ, и въ бандурѣ вже гласъ
замірае!
Вже не гремѣтиме, вже не горѣтиме
якъ въ хмарѣ
Пѣсня въ народѣ, бо вже наша мова
конае!

Хай же грîмъ насъ почуе, шчо въ хма-
рахъ кочуе;
Хай нашъ голосъ далеко по вѣтру несе,
Поки вѣтромъ якъ листъ насъ зъ зем-
лî не зтрясе;
Хай и Днѣпръ стародавнîй дъ насъ пѣ-
сню почуе,
Поки вînъ насъ въ море не вне-
се, не вкине,
Поки мова й голосъ въ насъ дотла
не згине!
Хай луною по степовî голосъ иде,
И по пущахъ Днѣпровськихъ межъ звîрь-
ямъ гуде!

Може звîръ, може-й бîръ,
Степъ та вѣтръ, море й Днѣпръ,
Може, хмара,
Грîмъ и кара,
И бандуру, и мене
Козаковî зпомьяне!

Якъ сивый степъ бѣлѣтиме,
Якъ чорный бîръ шумѣтиме,

Якъ звіръ въ пущахъ ревѣтиме,
Якъ блискавка въ хмарахъ-хмарахъ
Кровью заснуеться,
Грімъ до-долу въ карахъ-карахъ
Грякне, й все заньметься,
И старый Днѣпръ въ чварахъ-чварахъ
Встане, й озоветься . . .
Може и пѣсня зъ вѣтромъ ходитиме,
Дійде до сердця, сердце палитиме;
Може й бандуру шче хто учуе,
Й сердце заные и затоскуе . . .
И бандуру и мене
Козаченько зпомьяне!»

Буря выe, завывае,
И сосновый біръ трощить;
Въ хмарахъ блискавка палае,
Грімъ за громомъ грякотить,
Нічъ то углемъ вся зчорнѣе,
То якъ кровъ зачервонѣе!

Днѣпръ клекоче, стогне, плаче,
Й гриву сивую трясе;

Вйнъ реве, й на камйнь скаче,
Камйнь рве, грызе, несе . . .
Грймъ шчо гримне, въ берегъ гряне —
Зъ хвилй бандура прогляне!

Запалало — и — зтемнѣло . . .
Застогнало въ небесахъ . . .
Хлынувъ дожчъ . . . загомонѣло
На горахъ, поляхъ, въ борахъ . . .
Старця й бандуры немае,
Пѣсня по̀-міру лйтае!

ЛУНА

ИЗЪ

СЛОВЕНÎИ.

Sláwie! ó Sláwie! ty gméno
Sladkých zwuků, hořkých památek
Stokrát rozerwané na zmatek,
Aby wždycky wjce bylo ctěno;

=

Od Uralů Tatrám na temeno,
W paušlěch, kde má rownjk počátek,

Až kde slunka mizj dostatek —
Králowstwj gest twoge rozloženo:

=

Mnohos nesla, a wšak křiwdy činů
Nepřátelských wšecky přežila,
Ba i špatný newděk wlastnjch synů.

=

Tak, když ginj snadno w půdě měké,
Ty si trůny sobě twerdila
Na stoletj rumjch dlauhowěké.

KOLLAR.

ИЗЪ ЧЕХІИ.

I.

НОЧНА РОЗМОВА.

ИЗЪ ЧЕЛЯКОВСЬКОГО.

То не покрылася жовтымъ листомъ
Долина, долиночка;
Руською ратьтю засыпавъ то Царь
Краину, краиночку:
Край той широкій Шведська земля
Одъ моря до синйхъ гйръ.

*

Тамъ на горѣ, на сторожѣ, въ ночй,
Козакъ не дрйма, не спить;
Вйнъ на чотырй сторонки на всѣ
Пилненько поглядуе;
Съ милою ратьтю-братами, смутный,
Шчось вйнъ не розмовуе;
Нй зъ мѣсяченькомъ, шчо въ небѣ, яснымъ,
Своимъ побратимчикомъ.
Мову веде козакъ-ратникъ смутный
Зъ сторонкою рйдною,
Зъ дальлю-Вкраиною, де ёго рйдъ! . .
Вкраину выпытуе:
— Охъ, ты скажи менѣ, мати, скажи,
Краино рйдненькая!
Та чи шче на-свѣтѣ, шче чи здоровъ
Старенькій мій батенько?
Чи моя жйнка тужить по менѣ,
Чи дѣтки живенькй шче? —
Братйкъ козаченька, вѣтеръ буйный,
Знявсь, засвистѣвъ, загудѣвъ,
Вѣсточку изъ Украины принйсъ,
И сердце лоскоче вѣсть
Рйдною мовою: ой, не тужи!
Ой, не тужи ты, козакъ!

На́-свѣтѣ батько старесенькій твій,
И дѣтки живенькі всѣ;
И молоденькая жінка тебе
Кохае вѣрнесенько.
— Матінко, рідна сторонко моя!
Послуги вслужи менѣ:
Перша послуга — старому отцю:
Поклонъ мій та добра-нічъ!
Друга послуга — то жінцѣ моѣй:
Щире коханьня мое . . .
Третя послуга — то дѣткамъ моимъ:
Благословеньня оддай!

II.

МИЛОГО ЗЪ МИЛОЮ.

То на зорѣ, на свѣтаньнѣ було:
Не росинка капотѣла зъ рожі-квѣту,
А слізоньками дѣвчинонька-квѣтъ

Заросилася, умылася раненько . . .
Тяжко та важко дѣвчина, смутна,
И частенько й глыбоченько все вздыхае,
Зъ милымъ коханкомъ розмовуе такъ:
«Охъ намъ лихо, мій миленькій, охъ намъ лихо!
Насъ розрізнить вже на-вѣки хотять:
Батько й матінка тебе шчось не злюбили;
Зъ нелюбомъ йти менѣ въ церкву велять!»
Козакъ вѣрный засмутився, далѣ каже:
«Ой ты, дѣвчино-голубко, не плачъ!
Не ламай рукъ бѣлыхъ, не вздыхай такъ тяжко!
Лучче порадьмося, сердце мое,
Якъ втекти намъ одъ бѣды лихои.
Е відсіля далеченько-онъ край;
Тамъ промежъ горами озеро чимале:
Тамъ островокъ и росте, и цвѣте,
Та въ такѣй красѣ, шчо й вымовить не можно!
Темная ніченька вкрые село, —
Пару вороныхъ я заразъ осѣдлаю,
Та и пущуся зъ тобою въ той край,
Далѣ човникъ зробимъ, та-й на островъ дивный!

Не розрізняє нїколи зїма
Тамъ зъ весною осїнь, й насъ тамъ не розрїзнють!
Житимемъ, вѣкъ доживатемъ вдвохъ . . .»
А дѣвчина козаковї промовляє:
«Де-жъ я, мїй милый, возьму тамъ садокъ,
Якъ покину грядочки, квѣтки червонї,
Батька и матїнку якъ знайти тамъ?
Якъ знайти сестричокъ, дружечокъ миленькихъ?»
«Всюды дѣвчинонько, знайдешъ садокъ:
Бо ростуть-цвѣтуть квѣтки, де ты поглянешъ,
И червонѣють, де вмыешъ лице;
Буде намъ за батенька тамъ ясный мѣсяць,
А за рїдненькую неньку зоря,
Намъ подружечки — усѣ зїрочки . . .
Ты моя, я твїй — до-вѣку.»

III.

СМЕРТЬ ЦАРЯ.

Зірочки погасли въ ночнимъ небѣ,
Въ хмарахъ помутився ясный мѣсяць . . .
Нїченько чорная, нїченько смутная!
Ты не вкрывала, не засыпала
Долы и горы сырыми туманами,
Чорною тьмою густї лѣсы;
Руськую землю тяжкою смутою,
Темная нїченько, всю ты засыпала,
Де тїльки сердце шче не умерло . . .

Тамъ при морѣ, морѣ, де теплый край,
Въ славнѣмъ мѣсцѣ та-й у Таганрозѣ
Плаче не ангелъ надъ домомъ Божимъ зпустѣлымъ,
Плаче Цариця надъ Царемъ похолодѣлымъ . . .
Тихо вона плаче . . . при тесовѣмъ смутнѣмъ лїжку . . .
Надъ мертвымъ тѣломъ Царя Богу наймилѣшого,

До усѣхъ людей найласкавѣшого и найдобрѣшого!
И якъ рѣчка тече, вона тихо плаче,
А за нею православнй въ одинъ голосъ
Моремъ, шчо голосить въ бурю, й хвилю хвилею жене . . .
Море утихне . . . рѣчка не стане, поки не высохне . . .

IV.

СОНЕТЪ.

ИЗЪ КОЛЛЯРА.

ПЕРЕВЕДЕНО НА РУССКІЙ.

Для житья людскаго горше той мѣны,
Какъ мѣна двухъ половъ, не бывало,
Когда нѣжной, дерзкіе, они стѣны
Свойствъ назначенныхъ не уважали.

Мужа женскаго и мужеской жены
Славными, счастливыми не знали;
Человѣчество въ такихъ своей цѣны,
Мало ль, много ль, но всегда теряло.

Крѣпость силъ—мужамъ для обороны,
Женамъ — чувство, просьба, взоръ покорный;
Сильны мужи духомъ, сердцемъ жёны:

Подвигъ мужа небо долу сводитъ,
Долъ жена возноситъ въ міръ нагорній;
Дружно къ цѣли человѣкъ приходитъ.

ИЗЪ СТАРОЧЕХІИ.

ЗЪ КРАЛЕДВОРСЬКОИ РУКОПИСИ.

I.

БЕНЕСЪ ГЕРМАНОВЪ.

Охъ ты, сонце, охъ ты, сонце, чи ты жалостливе?
Шчо-жъ ты, сонце, на насъ свѣтишъ, на людей бѣдненькихъ?
Де нашъ Князь, де наше військо, шчо насъ ратувало?

Князь въ Оттона, військо билось — въ полѣ полягало!
Идуть Нѣмцй, все Саксонцй, довгими рядами
Изъ далекихъ онтыхъ сторонъ, щчо промежъ горами.
«Оддавайте, небожатка, золото й пожитки;
Не дасте намъ, такъ мы зпалимъ вамъ дворы й хатинки!»
Нашй хаты попалили, золото забрали,
По дорозѣ въ Троски пійшли, и товаръ погнали.
Годѣ, годѣ журитися вамъ, люди селяне!
Пйдъ копытомъ чужихъ коней вже травка не вьяне!
Уже вона пйдростае, щиро зеленѣе:
Зъ квѣтокъ вѣнокъ плетѣть тому, хто несе надѣю!
Все змѣнилося: вже швидко пора бути жниву,
Бо Бенесъ людей зкликае Нѣмцйвъ супротиву.
Брали, брали для ворогйвъ и цѣпи, й оселй,
Изъ селъ, изъ селъ выходили въ лѣсъ гуртомъ пйдъ скели;
Попереду усѣхъ Бенесъ конемъ выгравае,

За нимъ військо бѣжить, кричить, якъ море
гукае:
«Помстимъ, побьемъ усѣхъ Нѣмцѝвъ, шчобъ
насъ воны знали!
Руйнували, плюндрували и кары не ждали!..»

Сердце въ нихъ розлютувалося, очѝ заблискали,
И огневыми стрѣлами на Нѣмцѝвъ заприскали.
Травка густенькая, наши списы пѝднѝмалися;
Лѣсъ на лѣсъ, мы на Саксонцѝвъ тыхъ злыхъ
напускалися.
То не блискавки блискàли, нашѝ шаблѝ то
блискáли,
То не на небѣ гремѣло, нашѝ списы то трѝщали . . .
Конѝ якъ затупотѣли, й мы якъ загомонѣли —
Звѣрѝ далеко, далеко тѝкали въ лѣса,
Птицѝ знялись, полетѣли, геть-гѐть въ небеса!
Въ горы, за горы, за птицею галасъ летѣвъ:
То разлѝтався нашъ крикъ, зъ брязкотнею
шаблѝвъ!
Довго тѣ и другѝ якъ укопанѝ стояли

На мицныхъ ногахъ, мовъ ноги въ землю
повростали.
Коли на гору, де сперлися Нѣмцї, якъ Бе-
несъ полине:
Де махне вінъ шаблею — и кровъ тамъ
хлыне;
Куды Бенесъ гляне — військо за нимъ
гряне . . .
Лихый ворогъ полягае, и якъ трава вьяне!
Тодѣ нашї зъ горъ камїньня наламали,
Нѣмцївъ камнемъ побивали, добивали, . . .
Шчобъ помилували, Нѣмцї жалїбно кричали;
Такъ не милували, до останку забивали!

II.

О Л Е Н Ь.

Бѣгавъ олень по горахъ,
По долинахъ, по горахъ,

Въ довгихъ та рясныхъ рогахъ.
Лѣсъ густый вінъ роздиравъ,
Прудко по-лѣсу скакавъ:
Для гущины й для дороги
Въ ёго рясні й міцні роги,
Въ ёго тонкі й гнучкі ноги.

Та на тыхъ же горахъ
Парень ходивъ,
Лукъ и стрѣлы въ рукахъ
Крѣпкихъ носивъ:
Стрѣлами блискавъ,
Въ ворога прискавъ!

Такъ немае вже ёго:
Лютый ворогъ на ёго
Выскочивъ, молотомъ блиснувъ,
Вдаривъ, до камня притиснувъ . . .
На три части головка розбилася,
Теплою кровью земля напоилася . . .
Застогнало сердечко въ кожнѣй дѣвчинѣ;

Надъ тымъ парнемъ вырйсъ дубочокъ въ
долинѣ:
Рясно дубочокъ вѣтки розпускае;
Олень за листямъ до нихъ прибѣгае,
Воронъ изъ лѣсу до нихъ прилйтае:
Олень край дубочка скаче,
На дубочку воронъ кряче.

III.

СИРОТИНКА.

Охъ вы лѣсы, темнй лѣсы,
Лѣсы милетинськй!
Чому се вы зелененькй
И зймою й лѣтомъ? —
Ой, рада-бъ же я не плакать,
Не мутити сердця;
Такъ скажѣте, добрй люди,
Хто-бъ тутъ не заплакавъ? —

Де мій батенько миленькій?
Въ могилу зарыли!
Де добрая моя ненька?
Росте на ѣй травка!
Ні братика, ні сестрицї;
Розлучили зъ милымъ!

IV.

Р О З А.

ПЕРЕВЕДЕНО НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Ахъ, роза, роза, роза красная!
Къ чему ты рано расцвѣла?
Еще погодушка ненастная,
Твоя злодѣйка, не прошла . . .
Ты расцвѣла, завяла,
Завяла, и опала!

═

Вчера я соротинушкой
Сидѣла долго — и — ждала . . .

Сгорѣла вся лучинушка,
Запѣлъ пѣтухъ: я не спала . . .
Вздремнула я: сонъ смутный
Прервалъ, прогналъ покой минутный!

═

Какъ я вздремнула, снилося,
Что камушекъ палъ изъ кольца,
Кольцо съ перста скатилося . . .
И было жаль мнѣ, жаль кольца,
Кольца того любимаго . . .
Искала долго — не нашлося!
Ахъ, долго я и милаго
Ждала, ждала — не дождалася!

═══

ИЗЪ СЛОВАЦІИ.

ПѢСНІ СЛОВАЦЬКІ.

Изъ Зборникивъ, выданныхъ на свѣтъ працею въ Празѣ Колляра и Срезневськаго въ Харьковѣ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ И. И. СРЕЗНЕВСКОМУ.

I.

«Долино, долино,
Глыбока долино!
Чи по тобѣ чутка
Дійшла до дѣвчины?

«Яка-жъ тая, милый,
Яка чутка тая?
Може вже у тебе
Коханка другая?»

=

«Нй, нй! милѣшои
Одъ тебе не знаю;
Одно менѣ тяжко:
Тебе покидаю!»

=

Выйшовъ вйнъ за двери,
Слёзы капать стали;
Капали на камйнь,
Камйнь пробивали.

=

Выйшовъ вйнъ за дверй,
Очй утйрае:
«Нехай тебе, мила,
Богъ не зоставляе!

=

Хай и тебе, мамо,
Богъ не зоставляе!
Мое-жъ сердце счастя
Нехай забувае!

II.

Горо, горо
Горо дубова!
Ой, хто тебе рубатиме,
Якъ на конѣ скакатиму?
Горо, горо,
Горо дубова!

=

Лучко, лучко,
Лучко зелена!
Ой, хто тебе коситиме,
Якъ шаблею брязчатиму!
Лучко, лучко,
Лучко зелена!

=

Дѣвко, дѣвко,
Дѣвко-коханко!
Ой, хто тебе кохатиме,
Якъ я въ землѣ лежатиму?
Дѣвко, дѣвко,
Дѣвко-коханко!

III.

Беля церкви мостикъ
Гень-гень мрѣе,
А по ёму травка
Зеленѣе;
Травка та зелена
Не кошена . . .
Черезъ мостикъ мила
Одвезена!
Хто їи вйдвозивъ,
Хай кохае;
Тйлькй въ моихъ очяхъ
Не бнймае . . .
Колижъ обнймае
То хай въ ночй,
Та шчобъ не болѣли
Мои очй.

IV.

Гой, гой, гой!
Кйнь мій вороный
Вже не мій, вже не мій!

=

Гой, гой, гой!
Старый гайдамака
Ёго взявъ, ёго взявъ!

=

Гой, гой, гой!
И дѣвчину мою
Гайдамака узявъ!

=

Гой, гой, гой!
Я до-дому прійшовъ,
А дѣвчины нема!

=

Гой, гой, гой!
Вже дѣвчина моя
Зъ гайдамакою спить!

=

Гой, гой, гой!
Я шаблюку знайшовъ,
Та зъ шаблюкою въ лѣсъ!

=

Гой, гой, гой!
Я у лѣсѣ знайшовъ
Розбишаку свого!

=

Гой, гой, гой!
Я дѣвчину однявъ,
Гайдамаку убивъ!

V.

Йшовъ весною я по-полю,
Зеленѣмъ гаечку;
Пострѣчався зъ дѣвчиною
Въ зеленѣмъ вѣночку.
Мы вкупочцѣ розмовляли
До бѣлого ранку;
Якъ свѣтати починало,
Кинувъ я коханку.
Йшовъ я селомъ край хаточки,
Вона закликае:
«Йди до мене, мій миленькій!»
Двері відчиняе.
Я сказавъ ѣй, щчо мене кінь
Уже дожидае;
Вона-жъ менѣ ні словечка,
Слёзы утірае.

VI.

Доню мàла вбога мати;
Не мàла чимъ зодягати,
И чимъ ìи прокормити:
Треба въ наймы вйдпустити.
«Мамо, мамо, моя мамо!
Не давай мене до пана;
Менѣ сумно въ панськихъ хатахъ:
Тамъ усёго такъ багато . . .
Будуть мною помыкати,
Стануть зъ мене глузувати;
Всякій сйпа, пхае, лае:
Нйхто сорому не знае!»

=

Выйшовъ рйкъ, шче-й половина . . .
Въ Катерины вже дитина!
Йде вона доить корову,
Веде зъ нею паничъ мову:
— Грицю! въ мене вже дитина;
На кого я грѣхъ прикину?
— Нй на кòго на другòго,
Якъ на мене молодого!

=

Того Гриця стара мати
Якъ пытати, такъ пытати:
— Скажи правду, Катерино,
Вйдъ кого въ тебе дитина?
— Нй вйдъ кого вйдъ другого,
Якъ одъ Гриця молодого.

=

Зъ войны Грицикъ поспѣшае,
Всѣхъ панйвъ попережае;
Въ усѣхъ конй грають, скачуть,
Тйльки въ Гриця чогось плачуть . . .
«Хлопцй, гей! мене не гайте,
Разомъ браму вйдчиняйте
На обидвѣ половины,
Шчобъ побачить Катерину!»
«Катерины нема въ дворѣ,
Закопана въ сырѣмъ полѣ.»
Вйнъ скйкъ зъ коня! хапае нйжъ,
Хапа й другій, та и побѣгъ,
Шчо е силы, до могилы . . .
«Однимъ выкопаю яму близенько,
Встромлю другій въ свое серденько:
Хай ляже тѣло поручъ другого;
Душй-жъ обидвѣ въ Господа Бога!»

VII.

На высокѣй горѣ
Горять ясні огні.
Шчо за люди сидять
Край огнівъ, шчо горять?
Край огнівъ тыхъ сидять
Пьятдесятъ розбишакъ.
А одинъ изъ нихъ старый:
Дуже винъ посѣченый.
«Менѣ зъ вами не жити!
Мою шаблю возьмѣте:
На двое расколѣте;
Острымъ кінцемъ голову зотнѣте,
Тупымъ кінцемъ землю копайте,
Могилу менѣ вырывайте,
Мене старого поховайте.»

VIII.

Король войну замышляе,
Жінки, дѣвки зоставляе,
Самыхъ хлопцівъ забірае.
Одинъ старымъ ся зказавъ,

Къ тому й сынівъ вінъ не мавъ;
Тільки мавъ вінъ три дочки,
Три гарныхъ голубочки.
«Найстаршая моя доне,
Йди на войну за мене!
Пане-тату! не піду:
Я воювать не буду.»
«Підстаршая моя доне,
Йди на войну за мене!»
«Пане-тату! не піду:
Я воювать не буду.»
Найменшая Марьечка
Мовить ёму словечко:
«Не турбуйся, пане-тату,
Ось я піду воювати!
Купи коня вороного,
И сѣделце на ёго;
Сталёвую шаблечку,
И пістолівъ парочку.
«Охъ, доню моя милая!
Чи ты знаешъ? война злая!
Зъ-за другихъ не выдавайся,
Въ строю зоставайся . . .»
Якъ на войну знаряжали,

Сестрицѣ ю оплакали;
Якъ на коника сѣдала,
Батько й ненька оплакали . . .
А вона на те не дбала:
Изъ строю ся порывала,
Въ таборъ вражій ся вдавала.
Король тому ся дививъ,
И вояка похваливъ:
«Отто воякъ страшный, дивный,
Та шче къ тому й уродливый!
Якъ-бы такая дѣвчина,
Була-бъ менѣ женишина!»
«Королю! дѣвчина я:
Держись слова, я твоя!»

IX.

О Т Р У Н.

— Де ты була, моя Ганночко?—
На весѣльлѣ, моя ненечко.

— Шчо давали тобѣ ѣсточки,
Моя доню, моя Ганночко? —
Непосолені три рыбочки . . .
Горе менѣ, моя ненечко,
Лишечко, болить головочка!
— Шчо давали тобѣ питочки,
Моя доню, моя Ганночко? —
Винце, винце, моя ненечко . . .
Горить лице, болить сердечко!
— Де полегша тобѣ, донечко,
Моѣй донѣ, моя дѣвчинѣ? —
Въ церквѣ, въ церквѣ, посерединѣ!
— Шчо послати тобѣ, донечко? —
Стели бѣлую сорочечку,
Та сосновую шче дошчечку.
— Чимъ укрыться тобѣ, донечко? —
Клади, мамо, свою донечку,
А пїдъ нею и надъ нею дошчечку!

ИЗЪ СЕРБІИ.

ПѢСНЙ.

I.

Кидавъ свѣтъ Конда, текли слёзы въ матки;
Вмеръ, поховали ёго коло хатки!
Конду поховали въ зеленѣмъ садочку,
Пйдъ померанцемъ, въ темнѣмъ холодочку.
Мати шчо-ранку на могилѣ плаче,
Чуе шчо-ранку: и въ могилѣ стогне . . .
«Чя тобѣ, сыночку, тяжко въ могилѣ,
Чи твои кости дошки придавили?»
Голосъ зъ могилы: «Мати моя мила!
Не важка дошка, не тяжка могила;
Та якъ коханка слёзу проливае,
Слёза та въ могилу мою западае;
Якъ вона горе свое проклинае,
Кости ворушить, покій мій взрушае!»

II.

Пйдъ горою криниченька;
Тамъ вмывалась дѣвчинонька,

Вмывалася, говорила:
Лице мое лебедине!
Якъ-бы можно менѣ знати,
Шчо прійдеся цѣлувати
Мое личенько старому;
Пйшла-бъ по-полю пустому,
Полынь рвала-бъ та давила,
Полынемъ шчо-дня ся мыла:
Тйльки-бъ вйнъ поцѣлувався,
Полынемъ бы одйзвався
Ёму поцѣлунокъ кожный!
Коли-бъ-же я вйдгадала,
Шчо молодый кохатиме,
Въ бѣле лице цѣлуватиме;
Квѣточокъ бы назбйрала,
Изъ нихъ сокъ повыдавляла
Пахученькій, солоденькій,
Свое личко-бъ ймъ вмывала:
Якъ прійшовъ бы молоденькій
Та зо мною цѣлувався,
Ёму-бъ медомъ одзывався,
Медомъ поцѣлунокъ кожный!

III.

ТРИ ТУГИ.

Соловейко, мала пташка, всѣхъ розвеселяла,
Тільки менѣ молодому три туги придбала:
Туга першая для мене, для серденька мого —
Не женила мене ненька рано молодого;
Туга другая для мене, для серденька мого,
Шчо не грае вороненькій ковикъ пїдо мною;
Туга третяя для мене, для мого серденька —
Прогнѣвалася на мене дружина миленька!
Выкопайте менѣ въ полѣ широкую яму,
На два списы широкую, а вдовжъ на чотырї;
Въ головонькахъ червоную рожу посадѣте,
А въ нїженькахъ водиченьки потїкъ проведѣте:
Може прїйдуть молоденькї рожею квѣчаться,
Може прїйде хто зъ старенькихъ водицї напиться.

IV.

ПРИПОМИНАНЬЕ.

ПЕРЕВЕДЕНО НА РУССКІЙ.

Аль, душа, ты рѣчь свою забыла?
На груди моей ты слёзы лила̀,
Слёзы лила̀, сквозь плачъ говорила:
«Богъ побей, по мнѣ, и ту подружку,
Коли вѣру йметъ она молодцу!
Какъ на ясномъ небѣ ясно вѐдро,
Ясно вѐдро на часочикъ, тамъ и тучи;
Такъ и вѣрность въ сердцѣ у молодца!
Пока любитъ: я, душа, тебя̀ возьму!
Не взлюбилъ: пожди, душа, до осени!
Пришла осень, настаетъ и зимушка;
Говоритъ онъ ужъ съ другой подружкою!»

ИЗЪ ПОЛЬЩЙ.

I.

МОРЛАКЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Якъ остатня копійка вже въ мене загинула,
Мене заразъ невѣрна дружина покинула;
Волохъ же прійшовъ та-й каже,
Шчо винъ добре, добре зна вже,
Въ якѣмъ мѣстѣ дадуть пити,
Ѣсти, й хороше ходити . . .
Та и грошей, каже, не платитимемо;
Наберемъ шче-й грошей, не лѣчитимемо . . .

«Якъ облитый у золотѣ, въ срѣблѣ ходитимешъ;
Шчо захочешъ робить, тѣльки те и робитимешъ;
Тамъ напитку, тамъ-то корму!
Наберемъ шче и до дому!
Срѣбломъ, золотомъ блищатимемо,
Шаблею ясненькою бряжчатимемо!

=

Якъ завернешъ въ село, выйдешъ ты за ворѣтечка,
То й одсуне кватирочку кожна дѣвчиночка;
Якъ затянешъ пѣсню влѣтку,
Кине кожна тобѣ квѣтку!
Швидко, шпарко, бо якъ ждатимемо,
Довго мѣсця въ мѣстѣ тѣмъ шукатимемо.»

=

Я повѣривъ, дурный! та и кинувъ родиноньку,
Та-й зайшовъ на чужину въ лихую годиноньку!
Тяжкую несу покуту,
Зъ хлѣбомъ ѣмъ шчо-дня отруту:

Чи до-вѣку изморятимуся,
Якъ песъ на ланьцюзѣ зоставатимуся?

=

Кажу дѣвчинѣ про мою бѣдну головоньку, —
Изгнущаеться дѣвчина зъ нашои мовоньки;
Люди зъ нашого тутъ краю
Стали иншого звычаю!
Якъ былинка, не прійматимуся, —
Я въ чужинѣ вѣтромъ розмѣтатимуся!

=

Рідна мати, краино, краиночко! . .
Де поглянешъ — пріятель, поглянешъ — дружиночка . . .
Рідний, рідная и мова!
Доброго нема-жъ тутъ слова:
Не спочивай и не гайся,
Ласки-жъ и не сподѣвайся!
Я якъ травка, шчо росла де травы,
Та-й занесла ій буря на-глыбъ ставу!

II.

ДОРОГА.

изъ вѣтвицкого.

Дальше въ свѣтъ — шукать науки!
Годѣ млѣть, зложивши руки!
Чужій розумъ намъ пидмога:
Въ свѣтъ-дорогу, въ свѣтъ-дорогу!
Де вѣкуе снѣгъ на крызѣ,
Да земля въ зеленѣй ризѣ,
Де безъ хмаръ все сонце жарить,
Де щоденно дожчъ та хмарить,
На моря, на горы зъ стали,
На-свѣтъ, на-свѣтъ, — далѣ, далѣ!

═

Зъ гиръ на горы, вышче, вышче!
Де закутавъ ихъ снѣгъ бѣлый . . .
И до сонця близче, близче!
Якъ орелъ крыластый, смѣлый . . .
Тамъ на вѣтрѣ въ хмарахъ стану,
Тамъ ясні зірки достану . . .
И рукою, и ногою

Въ хмару вдарю, дожчикъ пролью
Надъ землею, надъ пашнею . . .
И безъ лиха, и безъ страху
Полыну я по тимъ шляху:
Срибло въ мѣсяця возьму я,
Зъ сонця золото зниму я!

III.

ЧОРНОБРИВКА.

изъ суходольскаго.

Посерединѣ дороги
Козакъ зустрѣвъ дѣвчину.
«Козаченьку! болять ноги:
Возьми мене за спину.»
«Моя мила дѣвчинонько!
Коникъ мій брыкае.»
«Я возьмусь за козаченька:
Бѣли руки маю.»

«А якъ война? а вороги
И страшнѣ, и грѣзнѣ.»
«Ворогъ? о! нѣ, мій дорогій?
Вѣнъ насъ не розрізни.»
Якъ схилявся козачина,
Шабелька брязчала;
Не лякалася дѣвчина,
На коня сѣдала.
Скачуть, скачуть по долинѣ
Коханка, коханый;
Грае, несучи дѣвчину,
Коничокъ буланый.
Вже минали и пригорокъ
Коханый, коханка . . .
А въ козака лихій Турокъ
Пукъ изъ-за курганка!
Козакъ долѣ . . . шабля брязчить . . .
Кѣнь по-полю скаче . . .
На коневѣ Турокъ летить,
Дѣвчинонька плаче.

IV.

ПОХОДЪ.

ИЗЪ ОДЫНЦА.

ПЕРЕВЕДЕНО НА РУССКІЙ.

Мёдъ въ Литвѣ сегодня пьемъ,
Завтра на войну идемъ
Въ Венгерскую землю.
Винъ тамъ, что въ рѣкахъ воды,
Что въ Литвѣ лѣсовъ, сады,
Яблоки какъ злато.
Въ той Венгерской сторонѣ
Что построимъ мы себѣ?
Тамъ себѣ дворецъ сольемъ;
Вмѣсто оконъ мы вобьемъ
Въ немъ для свѣту звѣзды.
А коли въ Литву придемъ
Изъ Венгерскихъ тѣхъ сторонъ?
Какъ взойдетъ на камнѣ лёнъ,
Зацвѣтутъ снѣга кругомъ,
Повысохнетъ море.

ЛУНА

ШЧЕ ИЗЪ

НѢМЕЦЇИ.

Ai zde lež̃j zem ta, pr̃ed okem mým
selzy ronjcjm.
Nĕkdy kolébka, nynj národu meho
rakew . . .
Krásnohlasý zmuž̃ilých Slowanoů
kdise nĕkdy ozjwal,
Au onĕmĕlt už̃, byw k urazu záš̃ti
gazyk . . .

KOLLAR.

I.

ПРІЯЗНІЙ ДУШІЙ.

ИЗЪ МАТТИССОНА.

Мохъ порісъ, о други, на могилахъ вашихъ:
Якъ-же повный мѣсяченько свѣтить,
Кожного изъ васъ душа порхае
Надо мною тихенько.

=

Тѣ изъ васъ пріязни квѣтомъ посыпали
Стежку мою въ мірѣ, грѣли сердце;
Тѣ голодный розумъ годували
Словомъ сытнымъ, розумнымъ.

=

Може, бувъ бы зъ мого човна попасъ хвилѣ,
И трїски вїдъ скелї полетѣли-бъ,
Якъ-бы въ бурю пріязнїи душї
Не порхали край мене.

II.

ДОБРА-НЙЧЪ.

ИЗЪ КЕРНЕРА.

Добра̀нйчъ!
Хто зтомився, тымъ ся рѣчъ!
Тихо день вже догаряе,
Косарь руки опускае,
Опускае на всю нйчъ.
Добра̀нйчъ!

=

Пора спать!
Сонни̂ очи̂ заплющать!
Ластйвка вже спить на стрѣсѣ;
По улицяхъ тихше, тихше;
Либонь хоче нйчъ сказать:
Пора спать!

=

Добра̀нйчъ!
Спѣть безъ страху поки нйчъ,
Поки принесе свѣтаньня

И роботу, й сумуваньня;
Богъ не спить, ёго вамъ рѣчъ:
Добраничъ!

III.

БУЛО.

ИЗЪ АНАСТАСІЯ ГРЮНА.

Було насъ не трохи
На синёму морѣ:
Все люди веселй,
Одинъ тйльки въ горѣ.

=

До-купочки вѣтеръ
Попутный насъ звѣявъ;
Якъ тйльки-бъ змѣнився,
Насъ впьять бы розвѣявъ.

=

И рйдную землю
Выхвалювавъ кожный;

Мовлявъ, найти лучче
На свѣтѣ не можна.

=

Хвалили озера,
И рѣки, и море,
Крутѝ, снѣговіи
Та синіи горы.

=

Степы похваляли,
Лѣсы, луговины . . .
Одинъ сидѣвъ смирно,
Та плакавъ зъ кручины.

=

«Не кожный зъ насъ мае
Коханку-дѣвчѝну;
Нема чоловѣка,
Шчобъ не мавъ родины! . .

=

Хай буде здорова!
За неи пить, братця!
По повнѣй же, вмова,
По повнѣй пить чарцѝ!»

=

Якъ гукнули разомъ:
«Здоровья родины!»
Не пивъ тільки той зъ нихъ,
Шчо плакавъ зъ кручины.

=

Не пивъ, и всю чарку
Вінъ выливъ на море, —
И брызнули слёзы,
Й насупився зъ горя.

=

«Була ты Цариця
Поморья и моря;
Чи ты потонула? . . »
Й заплакавъ вінъ зъ горя.

Се про Венецію писано. Була вона колись межъ царствами и межъ панствами найславнѣша: надъ моремъ панувала, и надъ землею царювала; такъ далѣ-жъ, бачъ, ній навіщто звелася.

IV.

ХЛОПЧИКЪ-ПАСТУШОКЪ.

ИЗЪ УЛАНДА.

По-надъ лугомъ — рѣчкою зеленая гора,
Зъ горы церква зтиха позирае;
Хлопчикъ-пастушокъ въ сопѣлочку у рѣчки гра,
Й веселесенько спѣвае.

=

Коли-се зъ дзвінницй бовъ-дзелень и тень-телень!
Либонь дякъ спѣвае смутно . . .
Хлопчикъ вставъ, замовкъ, та-й слуха: дзвінъ все дзень-дзелень!
А въ очицяхъ ёму мутно . . .

=

Кого не забаромъ вкрые Божая трава,
Й той спѣвавъ колись у рѣчки . . .
Колись дзвінъ теленькне, и по насъ дякъ заспѣва,
Хлопчикъ, хлопчикъ невеличкій!

V.

НАВѢЩЕНЬНЯ ЗЪ МОГИЛЫ.

ИЗЪ ЭЛЕНШЛЕГЕРА.

Панъ посватався, и взявъ дѣвчину,
И приживъ вінъ зъ нею три дитины.

И три роки вона панувала,
На четвертый ii поховали.

Панъ поплакавъ по своѣй коханцѣ,
Далѣ й оженився на панянцѣ.

Нехорошу выбравъ вінъ панянку:
Малі дѣтки плакали шчо-ранку.

Вона одъ нихъ чоломъ не пріймала;
Сиріткъ ногою відпихала.

Якъ плакали вони питки, ѣстки, —
Говорила: пропадѣть вы, дѣтки!

*

Взяла у нихъ подушку бѣленьку;
Положила соломку гниленьку.

Взяла вона свѣчку изъ кімнатки;
Лягли дѣтки въ темнѣй хатѣ спатки.

Лякалися, плакали, не спали,
Слізоньками неньку выкликали.

Чуе ненька, дѣтки жалібненько
Плачуть, кличуть: де ты, де ты, ненько!

И до Бога душечка летѣла:
«Пусти, Боже, до дѣтокъ зъ могилы!»

«Лети, мати! тільки не барися:
Кукурікне, въ могилу вернися.»

Зозуленька пізно прилѣтае,
Кватирочку въ пана одсувае.

Входить мати до дѣтокъ въ кімнатку:
«Чого лягли на соломцѣ спатки?»

— Забрала въ насъ подушечки панй! —
«Чомъ свѣчечка не горить въ лихтарнѣ?»

— Взяла панй й свѣчечку зъ лихтарнй!
Мамо, мамо! насъ не любить панй!

Мамо, мамо! дай намъ ѣстки, питки!
Не кидай насъ! бо мы твои дѣтки! —

Вона тихо ключй въ сонныхъ брала,
Сорочечки зъ скрынй повыймала.

Дѣточки нагодувала, вмыла,
И въ бѣленькй сорочки одѣла.

Далѣ соннымъ ключй оддавала;
Сумна, страшна до ихъ промовляла:

«Зоставила я засѣки повнй;
За шчо-жъ мои дѣточки голоднй?

Я придбала пряжй повнй скрынй;
За шчо жъ дѣткамъ спати на гнилинѣ?

У коморахъ воскови̂ кружала;
Чи-то й лою на свѣчку не стало?

Якъ кликнуть шче разъ мене небогу
Мои дѣтки, — пи̂демо въ дорогу.

На судъ вкупѣ пи̂демо до Бога —
Вы, дѣтки̂ мои и я небога.

Якъ заплачуть дѣточки голодни̂, —
Ляжете вы на столѣ холодни̂.

Якъ безъ свѣтла ни̂чъ дѣтки злякае, —
На трунѣ въ васъ свѣчка запалае.

Якъ заплачуть вони на гнилинѣ, —
Спатимете въ гнилѣй домовинѣ.»

Якъ сказала — и пропала! Мова̂-жъ излякала
Панею и пана;
Вони дѣтки голубили, годували, мыли
Шчо-дня, пи̂зно й рано.

VI.

ПѢСНЯ САДОВНИЧОГО.

ИЗЪ УЛАНДА.

Охъ, червонй квѣтки!
Утѣкайте въ лѣски!
Не давайтеся рвать,
И въ вѣнокъ заплитать
Васъ для Царївны-голубки . . .

=

Хочъ якъ макъ червонѣвъ,
А я швидко зжовтѣвъ . . .
Охъ, червонй квѣтки!
Тѣ невѣчнй вѣнки!
Въ сердцѣ туга довговѣчна . . .

ПРИЛОЖЕНІЯ

ОТЪ

ИЗДАТЕЛЯ.

1.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПРОИЗНОШЕНІЯ,

по принятому въ «Думкахъ и Пѣсняхъ» правописанію.

ГЛАВНОЕ ОСНОВАНІЕ ПРАВОПИСАНІЯ.

Буквы: *ы, и, і, ѣ* остаются въ тѣхъ самыхъ случаяхъ, гдѣ употребляются въ словахъ языковъ Словеноцерковнаго и Великорусскаго; если какая-либо буква переходитъ въ острое *и* (ji), то употребляется *й* или *і*; если буква *е* пепереходитъ въ *йо* (jo), то употребляется

ё, если же другая буква, то *іо*; прочія буквы пишутся такъ, какъ произносятся.

ВЫГОВОРЪ.

Вовсе иначе отъ Великорусскаго выговора произносятся: изъ гласныхъ — *и*, *е*, *ѣ*; изъ согласныхъ — *г*, *ф*, а именно:

Южно-русское		Великорусское	Латинско-польское
И (послѣ согласной)	какъ	Ы	y
И (въ началѣ слова)	—	И	i
И (послѣ гласной)	—	ЙИ	ji
Й, Ѣ	—	И	i
Й, Ѣ (въ началѣ слова)	—	ЙИ	ji
Е (въ началѣ слова и послѣ гласной)	—	Ѣ	je
Е (послѣ согласной)	—	Э	e
Г	—	$\frac{Г+Х}{2}$	h
Ф	—	ХВ	chv

О прочихъ буквахъ же надобно замѣтить, что онѣ всегда выговариваются, какъ пишутся, такъ напр. *в* никогда не выговаривается за *ф*, *о* за *а* и т. п.

ПРИМѢЧАНІЕ 1.

Размѣръ въ однихъ думкахъ и пѣсняхъ — народный, въ другихъ — чисто-тоническій, въ нѣкоторыхъ — тоническій-смѣшанный.

ПРИМѢЧАНІЕ 2.

Въ приложенныхъ подлинникахъ Чешскихъ, Старочешскихъ, Сербскихъ и Польскихъ стихотвореній произносятся по Великорусски буквы *и* и *ѣ* (какъ ji и je), — по Южнорусски буквы *е* и *г* (какъ e и h); g всегда твердо какъ Великорусское г; n вполовину какъ носовое Французское.

II.

ВОСЕМЬ

ЧЕШСКИХЪ, СТАРОЧЕШСКИХЪ, СЕРБСКИХЪ И ПОЛЬСКИХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, ПЕРЕВЕДЕННЫХЪ А. МОГИЛОЮ.

ЧЕШСКІЯ.

1.

СМРТЬ АЛЕКСАНДРА.

Потухли гвѣзды на ночнѣмъ небѣ,
Похмуржила се и ясна луна,
О ноци, ноци, черна ноци!
Тыс не сыпала, черна ноци,
З перутѣ мраки по шѣрых полѣх,
Анѣ густе тмы до пустых лѣсов.
А тыс сыпала, черна ноци,
Тѣжки замутек по наших краих,
До Руских срдцѣ горже велике!

Ахъ, на йжнй странѣ блйзко морже,
Блйзко того морже Азовскéго,
А тож ве мѣстѣ Таганрогу,
Не плáче андѣл над спустлы̀м храмем,
А мáть-Царице Елисавета
У тйсовѐго смутнѐго лужка
Слзы пролѐвà над мртвы̀м тѣлем
Цара добрѐго, богумилѐго,
Александра отце ласкавего.
Она плáче—плáчемъ тихѐ ржекы,
А за нй Рускы̀, православны̀ народ
Збоурженых моржй влнобитйм плáче;
Морже знад се утишй—ржека не устане.

2.

С О Н Е Т Ъ.

В живобытй лидскéм жàднà смѣна
Горшй ненй яко в поглавй,
Кдыж се она оутлà розправй
Поваг в нѣм а характероу стѣна;

Женскы̀ муж се так як мужска̀ жена
Чти а штѣстй̂ свѐго позбавй̂;
Того там се ма̀лем зобавй̂,
Тѐто многем чловеченствй̂ цена.

=

Мужи воуле, чин а смѣлост служи,
Женѣ просба, цит а млченї̂;
Тен будь вй̂це духем, тато душй̂:

=

Муж ать та̀гне небе к цностем долу,
Жена земи в згоуру к блаженй̂;
Ен так пришйдов кра̀снѣ к цыли сполу.

СТАРОЧЕШСКІЯ.

I.

ОПУСТЕНА.

Ах ви леси, тмави леси,
Леси Милетинсти!
Чѣму ви сѣ зеленате

Въ зимѣ, летѣ ровно? —
Рада бих я ж не плакала,
Не мутила срдце;
А ршѣкнѣте, добрши людѣ,
Кто би не плакал здѣ? —
Кдѣ мой отчик, отчик мили?
Загршѣбенъ в ровеце!
Кдѣ моя мати, добра мати?
Травка на ней росте!
Ними братра, ними сестри;
Юношу ми взеху!

2.

Р О З Е.

Ахъ ти, розе, красна розе!
Чѣмъ си рано розкветла?
Розкветавши, помрзла;
Помрзавши, усвѣдла;
Усвѣдевши, опадла!

Вечѣр сѣдѣх, длуго сѣдѣх,
До куропѣвѣ сѣдѣх . . .
Нѣ дождати не можех!
Всѣ дршѣзги, лучки сежех!
Уснух, снѣсе мѣ се ве снѣ,
Яко би мнѣ небожце
На првей руце прста
Свлексѣ злати прстенек,
Смелксѣ драги каменек:
Каменек не надійдех,
Змилитка сѣ не дождех!

СЕРБСКІЯ.

1.

ТРИ НАЙВЕТѢ ТУГЕ.

Славуй птица мала свакомъ покой дала,
А мени юнаку три туга задала:
Прва ми е туга на срдашцу моме,
Што ме ние майка оженила млада;
Друга ми е туга на срдашцу моме,

Што мой вранац коньц пода мном не игра;
Третя ми е туга, ах! на срдцу моме,
Што се моя драга на ме расрдила.
Копайте ми раку у полю широку,
Два копля широку, четири дугачку;
Више мое главе ружу усадите,
Сниже мои ногу воду изведите:
Кое младо протѣ, нек се ружом кити,
Кое л' старо протѣ, нека жетю гаси.

2.

О П О М И Н Я Н Ѣ.

Знаш ли, душо, кад си моя била,
На мом крилу грозне сузе лила,
Сузе лила, кроз плач говорила:
«Бог убио ону сваку другу!
Коя држи вѣру у юнаку;
Као што е оно ведро небо,
Часомъ ведро, а часом облачно,

Онака е вѣра у юнака:
Док те люби: узетю те, душо;
Кад облюби: чекай до ѣсени.
Ѣсень протѣ и зима настане,
А он с' онда с другом разговара.»

ПОЛЬСКІЯ.

1.

ЧАРНОБРЕВА.

2.

Гулан едзѣ — и сьруд дроги
Станепла коханка;
— Ах муй Ясю! больоп ноги,
Везь мѣп на каштанка!
— Дрога Галько! мусиш вѣдзѣць,
Же каштанек брыка.
— Нѣхай брыка, былѣ сѣдзѣць
Около хлопчика.
— Алѣ война! часем вроги
Здрадзѣцко выстржельоп.

— Нѣх стршелянон, Ясю дроди!
А нас не роздѣльон.
Ясь сѣн схылил — шабля брженкла,
Бурчи хорондѣвка,
И на коня, нѣ улѣнкла,
Сядла чарнобревка.
Ядон, ядон пржез долины
Коханы, кохана:
Он у лона свей дзѣвчины,
Она у гулана.
Лѣч gды минон стромы взgурек
Коханы, кохана,
З поза взgурка стршелил Турек
И забил гулана.
Ясь упада — шабля брженчи,
Бурчи хорондѣвка,
На турецким коню ѣнчы
Наша чарнобревка!

II.

ВЫПРАВА.

Дзись Литевски мьод піемы,
Ютро на войнеп пуйдзѣмы,
В Венгѣрскѣ крае.
Там вина як у нас воды,
Злоте яблка и ягоды,
Сады як гае.
— Но, и цо-ж тамъ зробѣмы
В тей Венгѣрскѣй зѣми?
— Зе злота място выставим,
За окѣнка звязды вправим,
Тем сѣп забавим.
— Но, а кѣды-ж вруцѣмы
З тей Венгѣрскѣй зѣми?
— Як на скалах зродзи збоже,
Як на сьнѣгу зейдоп роже,
Як высхнѣ морже.

III.

ОБЪЯСНЕНІЕ

Непонятныхъ для Великороссіянъ Южнорусскихъ словъ и выраженій.

А.

Або = *или.*

Ажъ = *даже.*

Б.

Багато = *много.*

Бажать = *сильно желать.*

Байдуже = *нѣтъ нужды!*

Бариться = *медлить, мешкать.*

Бачить = *видѣть.*

Бджола = пчела.

Блискавка = *молнія.*

Блукать = *блуждать, скитаться.*

Бо = *ибо, потому что.*

Бованѣть = *болванѣть; говор. о неподвижномъ едва усматриваемомъ предметѣ.*

Брехня = *ложь.*

Брязкотня — *звукъ мѣлкихъ металлическихъ или стеклянныхъ вещей.*

В.

Важко = *тяжко, тяжело;* тяжко, важко = *очень тяжко.*

Великдень = *праздникъ Пасхи.*

Вернуть = *возвратить, отдать.*

Вертаться = *возвращаться.*

Весильля = *сватьба.*

Вештаться = *часто ходить то взадъ, то впередъ.*

Видъ = *отъ.*

Видтиля = *оттуда.*

Видчинить = *оттворить.*

Вижки = *вожжи.*

Вже = *уже.*

Взхидъ = *восходъ, востокъ.*

Вкупѣ = *вмѣстѣ.*

Влѣтку = *лѣтомъ.*

Вохкій = *влажный.*

Ворогъ = врагъ.

Впамьятку мене = *мнѣ помнится.*

Впершу = *вначалѣ; въ первый разъ.*

Вражій сынъ, вражи дѣти — *бранчиво-шуточное выраженіе.*

Вранцѣ = *поутру.*

Встромитьcя = *вонзиться.*

Втихомирить = *усмирить, утишить.*

Вхопить = *схватить.*

Вызволить = *освободить.*

Вырынать = *выпырять.*

Высмыкать = *выдергивать.*

Вѣтрець = *вѣтерокъ.*

Г.

Гадюка = *гадина, змѣя.*

Гай = *роща.*

Галасъ = *шумъ и смятеніе.*

Гаять = *задерживать.*

Гень-гень = *тамъ-тамъ, вонъ-тамъ!*

Геть = *прочь!*

Геть-геть = *далеко, далеко!*

Годѣ = *полно, довольно!*

Голинный = *удалой, бравый, способный.*

Голосный = *голосистый, громкій.*

Гомонъ = *говоръ.*

Гомонѣть — *говор. о звукѣ при громкихъ разговорахъ.*

Глумувать = *издѣваться, насмѣхаться.*

Глыбъ = *глубь, глубина.*

Гробовище = *кладбище.*

Громада = *общество, народное собраніе.*

Гроший = *деньги.*

Грякотѣть = *гремѣть.*

Гуготѣть — *говор. о звукѣ огня при сильномъ пожарѣ.*

Гукъ = *кликъ сильный и напряженный.*

Гукать = *громко кликать.*

Д.

Дарма = *вотще, напрасно.*

Дбать = *приготовлять, пріобрѣтать, думать.*

Дѐ = *гдѣ.*

Дѐ-хто = *кое-кто.*

Дзвѝнъ = *колоколъ, звонъ колокола.*

Дзвѝнницѧ = *колокольня.*

Дзизчать — *говор. о звукѣ пчелъ, стрѣлъ летящихъ и т. п.*

Дитѝна = *дитя.*

Добранѝчъ = *прощай! спокойной ночи!*

Добрыдень = *здравствуй! день добрый!*

Довóлѝ = *довольно, вволю.*

Докýпы = *въ-мѣсто.*

Дóлѝ = *на полу, на землѣ.*

Дóля = *счастье, судьба (фортуна).*

Домовѝна = *гробъ.*

Дóня = *дочь.*

Дóси = *доселѣ, до сихъ поръ.*

Дýже = *сильно.*

Дядько = *дядюшка.*

Дяка = *благодарность.*

Ж.

Жалѝбно = *жалобно.*

Жаль = *грусть, тоска, сожалѣніе.*

Жахъ = *потрясеніе ужаса.*

Жнива = *время жатвы.*

З.

Завзятьтя = *удальство.*

Загàрбать = *захватить.*

Загѝнуть = *пропасть.*

Загрàть = *заиграть.*

Загнущàться = *пренебречь.*

Заздалегѝдь = *заранѣе.*

Заклякнуть = *околѣть.*

Замѐрти, замѝрàть = *обмирать.*

Замѣсь = *вмѣсто.*

Запѝзнѝться = *запоздать.*

Заплющàть ѐчи = *закрывать глаза.*

Зàразъ = *тотчасъ.*

Засѣ̀къ = *закромъ.*

Зàхѝдъ = *западъ, захожденіе солнца; приготовленіе къ чему-нибудь.*

Зачинѝть = *затворить.*

Зачепѝть = *затрогать, зацепить.*

Згнущаться = *издѣваться,*

Зѝрка = *звѣзда;* зѝрка зъ мѝтлою = *комета.*

Зказѝться = *взбѣситься.*

Зневажàть = *пренебрегать, неуважать.*

Зодагàть = *зодѣвать.*

Зозу̀ля = *кукушка.*

Зхотѣ̀ть = *захотѣть.*

Зѝркъ = *глядь.*

Зъ = *изъ.*

К.

Казàть = *говорить.*

Катмà, катъ-мае = *нѣтъ, не имѣется.*

Кàтъ = *палачъ.*

Клепа̀ло=*кусокъ дерева, которымъ косы острятъ.*

Колѝсь = *когда-то, во время оно.*

Коха̀ть = *любить, лелѣять.*

Коха̀ньня=*любовь.*

Кра̀счій = *лучшій, красивѣйшій;* найкрасчій = *прекраснѣйшій.*

Кра̀пля=*капля.*

Криниця=*ключь воды.*

Край=*вскрай, подлѣ.*

Кумѐдный = *странный, отчасти смѣшной и отчасти непонятный.*

Куня̀ть = *дремать, окуней ловить.*

Л.

Ла̀ять=*бранить.*

Ланцю̀гъ=*цѣпь.*

Ла̀ска = *милость, пріязнь.*

Либонь = *какъ-будто, кажется.*

Лихта̀рня=*фонарь.*

Лишъ, лишень=*ка;* иди-лишень = *иди-ка.*

Лугъ=*лѣсъ на низменномъ мѣстѣ.*

Лука̀ = *трава на низменномъ мѣстѣ.*

Луна̀=*эхо, отголосокъ.*

Лю̀лька = *трубка;* напхать тютюну въ люльку = *набить трубку.*

Лѣсчѝна=*орѣшникъ.*

Лѣчи́ть = *считать.*

Лягáть = *ложиться.*

Лякáть = *пугать.*

Лящáть = *кричать громко и пронзительно.*

М.

Мáбу́ть = *вѣрно, должно-быть.*

Макогі́нъ = *пестъ.*

Ману́ напусти́ть = *отуманить, околдовать, пустить пыль въ глаза́.*

Мáти = *мать.*

Мáти = *имѣть.*

Мáять = *вѣять (въ смыслѣ: знамена вѣютъ).*

Мерщѣ́й = *скорѣй, проворнѣй.*

Миркувáть = *разсуждать, толковаться о чемъ-нибудь.*

Мли́нъ = *мельница.*

Мо́ва = *языкъ, разговоръ.*

Мо́вить = *говорить.*

Мовля́ть = *говорить (говор. при ссылкахъ, цитатахъ на чью-нибудь рѣчь).*

Мовъ = *будто, словно.*

Молоди́къ = *молодой, новорожденный мѣсяцъ.*

Мото́рный = *проворный, расторопный.*

Мрѣ́ть = *виднѣться.*

Мі́цно = *крѣпко.*

Мѣ́сце = *мѣсто.*

Мѣ́сто = *городъ, рынокъ.*

Н.

Навѣсный = *безтолковый, неумѣстный, взбалмошный.*

Наставлять = *опредѣлять.*

Нагадать = *напомнить.*

Недѣля = *воскресенье.*

Нема = *нѣтъ, не имѣется.*

Нѐнька = *родимая, матушка.*

Нѐчисть = *нечистое, злое.*

Не чуть, не чувать = *не слышно.*

Нѣбы = *словно.*

Нѣколи = *недосугъ, времени нѣтъ,*

Нѣколи = *никогда.*

Нудно = *тошно.*

Нѣмець — кромѣ *нѣмца,* значитъ еще — *чужеземецъ.*

Нѣкчѐмный = *негодный.*

Нявчать = *мяукать.*

О.

Обѣдва = *оба;* обѣдвѣ = *обѣ.*

Оддзянить = *отворить, растворить настежъ.*

Одже = *вотъ-же.*

Одцуратьcя = *отречься.*

Огѣднуть = *надоѣсть, опротивѣть.*

О'комъ зкинуть = *обозрѣть.*

Онъ = *вонъ!* онъ-то = *вонъ-тамъ.*

Опенѝться = *очутиться.*

О'сьдечка = *здѣсь! вотъ здѣсь!*

Отъ = *вотъ;* отто̀ = *вотъ-то.*

Отруи̇̀, отру̀та = *отрава.*

П.

Пала̀ть = *сильно и съ пламенемъ горѣть, пылать.*

Пали̇̀ть = *жечь.*

Панотѐць = *почетное титло отца, хозяина и священника.*

Паня̀нка = *благородная дѣвица, барышня.*

Па̀ша, по̀пасъ = *кормъ, паства.*

Пеня̀ = *напасть, наказаніе.*

Пилнува̀ть = *поспѣшать, прилѣжать.*

По всѣхъ усю̀дахъ = *вездѣ.*

Покоти̇̀поле = *перекатиполе.*

Покоха̀ться = *потѣшиться.*

Пола̀годить = *починить, поправить.*

Поли̇̀ця = *полка.*

По̀ломья = *пламя.*

Помыля̀ться = *ошибаться.*

По̀мста = *месть.*

Поми̇̂стъ = *полъ въ комнатахъ.*

Порощать = *шумѣть (какъ мѣлкій дождь).*

Привѣтáть = *привѣтствовать.*

Притинáть = *прибивать, прижимать, прикрѣплять.*

Простягтúсь = *протянуться.*

Прыскать = *брызгать съ особенною силою.*

Пýща = *дебрь, дремучій лѣсъ.*

Путьтя́ = *прокъ.*

Пхáть = *толкать.*

Пытáть = *спрашивать.*

Пѣвень = *пѣтухъ;* пéрший пѣвнй = *полночь.*

Р.

Рáдиться = *совѣтоваться.*

Ратувáть = *избавлять отъ бѣды, спасать.*

Робúть = *дѣлать.*

Рóжа = *роза.*

Ручнúця = *ружье.*

Руйнувáть = *разорять, разрушать, превращать въ развалины* (Ruinen).

Рыбáлка = *рыболовъ-птица.*

Рйдокохáнокъ, рйдокохáнець = *родины и родныхъ любитель.*

Рйкъ = *годъ.*

Рясный = *вѣтвистый, многоплодный и многолистный.*

С.

Самопалъ = *огнестрѣльное оружіе.*

Самотный = *одинокій, уединенный.*

Свита — *родъ верхней суконной одежды.*

Свѣтаньня = *разсвѣтъ.*

Свѣчка = *свѣча;* Божая свѣчка = *свѣча горящая передъ иконою.*

Сивый = *сѣдой.*

Сказиться = *обезумѣть, взбѣситься, разшалиться.*

Скѣля, шкѣля = *скала.*

Скло = *стекло.*

Слёта = *ненастье.*

Смута = *печаль, грусть, смятеніе.*

Соромиться = *стыдиться.*

Списъ = *копье.*

Сноткать = *встрѣтить.*

Спочивать = *отдыхать.*

Спѣванка = *пѣсенка.*

Спѣвецъ = *пѣвецъ.*

Ставокъ = *прудъ.*

Старецъ = *нищій.*

Старосвѣтський = *древній, старинный.*

Стежка = *тропинка.*

Сумно = *страшно и грустно.*

Сількось = *да ничего! нѣтъ нужды!*

Сипать = *дергать.*

Сять = *сіять.*

Т.

Теленькать = *звонить скоро и въ небольшіе колокола.*

Тепло = *теплота.*

Тинаться = *шататься, сноваться.*

Тікать = *уходить, убѣгать.*

Товаръ = *скотъ* (въ смыслѣ собирательномъ).

Торба = *сума.*

Трощить = *сокрушать, ломать на мѣлкія части.*

Трохи = *немного.*

Труна = *гробъ.*

Тріска = *осколокъ.*

Тріскотня = *частый трескъ.*

Тулиться = *жаться.*

Тупотѣть = *часто топать.*

Турбуваться = *хлопотать, заботиться, хлопотливо толковать о дѣлѣ.*

Тютюнъ = *табакъ.*

У.

Уродливый = *красивый, пригожій.*

Утять = *смайстерить;* винъ сёго не втне = *онъ этого не сможетъ, не въ силахъ сдѣлать этого.*

Х.

Хапать = *хватать.*

Хай, нехай=*пусть, пускай.*

Хвиля=*волна.*

Хилиться = *клониться.*

Хитаться = *колебаться, шататься.*

Хмара=*туча;*

Хмарка=*облачко.*

Ховать=*хоронить.*

Холодокъ = *тѣнь* (говор. въ смыслѣ: *тѣнь отъ зною*).

Хтось=*кто-то.*

Хрупотѣть = *хрустѣть.*

Худоба=*имущество.*

Хуртовина = *вьюга; говор. и объ бурѣ на-морѣ.*

Ц.

Цураться = *забывать, покидать, отрекаться.*

Цуръ-ёму, пекъ-ёму= *оставь его, ч . . . съ нимъ!* Цуръ *тоже что по Великорусски чуръ, и произошло отъ торъ, чортъ (тшоръ); пекъ — сокращеніе слова* пекло=*адъ.*

Ч.

Чарка=*рюмка.*

Чвалать=*брести.*

Чвара=*буря, смятеніе.*

Ченцѝ = *чернецы.*

Червоный=*красный.*

Червонорусець=*житель Червоной Руси (Галиціи).*

Чи=*ли, али.*

Чима́ло = *довольно, достаточно.*

Чимчикува́ть = *спѣшить, идти скорою походкою.*

Чого=*зачѣмъ.*

Чогось = *отъ-чего-то, чего-то.*

Чужи́на=*чужбина.*

Чу́ть, чува́ть = *слышать, слыхать.*

Чутьтя́=*молва;* нема́ й чутьтя=*нѣтъ и слуху.*

Ш.

Шара́хъ — *выражаетъ шумное паденіе.*

Шви́дко, шпа́рко! = *скорѣй, скорѣй!*

швидко=*скоро.*

Ши́бениця = *висѣлица.*

Шкваркотня́=*шумъ воды или масла на раскаленномъ камнѣ.*

Шля́хъ = *путь, дорога.*

Шубо́всь — *выражаетъ паденіе въ воду.*

Шука́ть = *искать.*

Шчодня́ = *ежедневно, каждый день.*

Я.

Яки́й=*какой, который.*

ИМЕНА ОСОБЪ

изъявившихъ желаніе на полученіе книги.

Экземп.

Его Сіятельство Графъ Александръ Григорьевичъ Строгоновъ. . . . . 1.

Его Сіятельство Князь Николай Андреевичъ Цертелевъ. . . . . 1.

Его Сіятельство Князь Иванъ Александровичъ Шаховскій. . . . . 1.

Его Сіятельство Князь Александръ Александровичъ Шаховскій . . . . . 1.

Его Превосходительство Василій Александровичъ Шереметевъ. . . . . 1.

Его Превосходительство Максимъ Максимовичъ Ковалевскій. . . . . 1.

Его Превосходительство Иванъ Васильевичъ Капнистъ . . . . . 1.

Его Высокобл. Профессоръ Петръ Петровичъ Артемовскій-Гулакъ. . . 1.

Его Высокобл. Профессоръ Ѳедоръ Карловичъ Альбрехтъ. . . . . 1.

Экземп.

Его Высокобл. Профессоръ Альфонсъ Осиповичъ Валицкій. . . . . 1.

Его Высокобл. Профессоръ Иванъ Осиповичъ Калениченко. . . . . 1.

Его Высокобл. Инспекторъ Харьковскаго Учебнаго Округа Ѳедоръ Леонтьевичъ Тюринъ. . . . . 1.

Его Высокобл. Директоръ Харьковской Гимназіи Осипъ Викентьевичъ Корженевскій. . . . . 1.

Его Высокобл. Чиновникъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Вадимъ Васильевичъ Пассекъ. . . . . 1.

Его Высокобл. Чиновникъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Иванъ Васильевичъ Росковшенко. . 1.

Его Высокобл. Библіотекарь Василій Сергѣевичъ Комлишинскій. . . . . 1.

Его Высокобл. Семенъ Ивановичъ Мерескуловъ. . . . . 1.

Его Высокобл. Ѳедоръ Степановичъ Бакановскій. . . . . 1.

Экземп.

Надворный Совѣтникъ Осипъ Антоновичъ Волохинъ . . . . . 1.

Грыцько Основъяненко. . . . . 1.

Адъюнктъ-Профессоръ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. . . . . 1.

Исправляющій должность Адъюнктъ-Профессора Михайло Петровичъ Клобуцкій. . . . . 1.

Исправляющій должность Адъюктъ-Профессора Иванъ Алексѣевичъ Сливицкій . . . . . 1.

Лекторъ Нѣмецкаго языка Августъ Давидовичъ Метелеркампъ. . . . . 1.

Кандидатъ Харьковскаго Университета Николай Ивановичъ Костомаровъ. . 2.

Кандидатъ Харьковскаго Университета Александръ Яковлевичъ Кульчицкій. 1.

Кандидатъ Харьковскаго Университета Александръ Петровичъ Рославскій. 2.

Кандидатъ Харьковскаго Университета Поликарпъ Васильевичъ Тихоновичъ. 1.

Ея Благ. Анна Николаевна Безпальчева. . . . . 1.

Экземп.

Ея Благ. Екатерина Васильевна Корсакова. . . . . 1.

Его Благ Петръ Өедоровичъ Андріевскій. . . . . 1.

Его Благ. Андрей Марковичъ Булахъ. 1.

Его Благ. Николай Степановичъ Варзинъ. . . . . 1.

Его Благ. Өедоръ Андреевичъ Владиміровъ. . . . . 1.

Его Благ. Степанъ Лукичъ Гаевскій. 1.

Его Благ. Иванъ Львовичъ Дзюбинъ. 2.

Его Благ. Кириллъ Семеновичъ Задорожній. . . . . 1.

Его Благ. Александръ Өедоровичъ Залѣскій. . . . . 1.

Его Благ. Отставной Аудиторъ Өедоръ Зеленскій. . . . . 1.

Его Благ. Семенъ Ивановичъ Кованко. 1.

Его Благ. Петръ Ивановичъ Лукинъ. 1.

Его Благ. Михайло Петровичъ Максимовичъ. . . . . 1.

Его Благ. Владиміръ Николаевичъ Ровневъ. . . . . 1.

Экземп.

Его Превосходительство Генералъ-Маіоръ Д Селецкій. . . . . 1.

Его Высокобл. Александръ Адольфовичъ де-Роберти . . . . . 1.

Его Высокобл Аркадій Николаевичъ Алферовъ . . . . . 1.

Его Благ. Василій Васильевичъ Бутенко . . . . . 1.

Его Благ. Андрей Лукичъ Гаевскій 1.

Его Благ. Константинъ Николаевичъ Ровневъ . . . . . 1.

Его Благ. Григорій Ивановичъ Рыльскій. . . . . 1.

Его Благ. Учитель Курской Гимназіи Сорокинъ . . . . . 1.

Студентъ Николай Артюховъ . . . . . 1.

Студентъ Барвинскій . . . . . 1.

Студентъ Дмитрій Гвоздиковъ . . . . . 1.

Студентъ Ѳедоръ Іовлевъ. . . . . 1.

Студентъ Леонидъ Кагане . . . . . 1.

Студентъ Петръ Килинскій . . . . . 1.

Студентъ Павелъ Кузинъ . . . . . 1.

Студентъ Василій Марченко . . . . . 2.

Студентъ Василій Опостолапуло . . . 1.

Экземп.

Студентъ Степанъ Третьякъ. . . . . 1.

Почетный Гражданинъ Михайло Петровичъ Котляровъ . . . . . 1.

Аптекарь Андрюшкевичъ. . . . . 1.

— — Карлъ Дорандтъ . . . . . 1.

Демьянъ Яковлевичъ Бубликъ . . . . . 1.

Василій Васильевичъ Бураковъ . . . . 1.

Иванъ Ѳедоровичъ Базилевскій . . . 1.

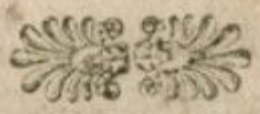
Александръ Ѳедоровичъ Загурскій. . . 1.

Петръ Ивановичъ Опаринъ. . . . . 5.

Дмитрій Ивановичъ Полевой . . . . . 2.

Иванъ Семеновичъ Рамашевъ. . . . . 1.

Петръ Андреевичъ Собкинъ . . . . . 1.



емп.
1.

1.
1.
1.
1.
1.
1.
1.
5.
2.
1.
1.